

ВЕРА ВЬЮГА

**БАЛ
ХРИЗАНТЕМ**

16+

Вера Вьюга

Бал Хризантем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62817443

SelfPub; 2022

Аннотация

Даже если вам немного за 30, есть надежда выйти замуж за принца... и даже если много «за» – шанс есть! Главное – не терять надежды! В этом уверены подруги, серая жизнь которых внезапно меняется, как только одну из них берут на работу консьержкой в элитный дом. Люди, обитающие в этом доме, влияют на их судьбы, втягивая героинь в таинственные, криминальные и почти фантастические ситуации, участниками которых, кроме них самих, становятся узнаваемые медиаперсоны, депутаты, криминальные авторитеты...

Ироничная, но добрая история о женской дружбе и мужской любви.

Вера Вьюга

Бал Хризантем

Глава первая

Дора – смазливая сорокалетняя блондинка с ямочками на щеках, сдобной фигурой и высшим филологическим образованием – снова мечтала выйти замуж. Теперь непременно за разжиревшего на финансовых махинациях олигарха с брильянтовыми застёжками на шелковой пижаме. И чтобы как в сказке со счастливым концом, свадьба в Монплезире, а из пасти льва, раздираемой Самсоном, искристо било шампанское! И чтоб по усам текло и в рот попало не только скульптурной группе, но и всем приглашенным. В общем, Дора снова хотела любви.

В сумрачном омуте предсна и в хрупкой утренней полудреме ее подсознание настойчиво малевало одну и ту же картину: итальянская Ривьера, шикарная вилла на побережье, вид на Альпийские хребты. В зале горит камин, на ковре пес в веселых кляксах – далматин. В пузатых бокалах вздрагивает гранатовое вино – тосканское кьянти. Его слабый фиалковый аромат, флиртуя с обонятельным нервом, истекает внутрь альвеол, и как только вскипает в капиллярах... Дора, сладко постанывая, подбирает коленки к животу – еще

немножко... Только бы не проснуться...

Настоящая ее жизнь здесь, в короткие минуты забытья между сном и явью. Тогда как мир за стенами ее квартиры – нестерпимо реальный мир, в котором нет для нее достойного спутника, а есть только бесперспективная работа консьержки в недавно отстроенной и еще не заселенной элитной башне «Золотая игла», воткнутой точно в центр, в сердце старого города.

Вечерами, жуя пирожки и запивая их слезами, Дора частенько сетовала своей давней подружке на несправедливость судьбы, которая вместо сияющей улыбки всякий раз норовит уязвить ее, показав жидковатую задницу.

Последний гражданский муж Доры, да и не муж вовсе, а так, сожитель, ушел от нее тайно и неожиданно вроде Льва Толстого. Правда, после ухода его не досчиталась Дора собрания сочинений Достоевского Федор Михайловича в пятнадцати томах и

набора гаечных ключей, подаренного любимому на мужской день.

Жалко ей было подписного издания, но еще жальче мужа – широкоплечего молчаливого лезгина по имени Заур.

Они встретились, когда Дора уже с год была одна. Прежний муж, прожив с ней пятнадцать лет, изменил внезапно – с камчатским вулканом. Съездив раз в командировку, привороженный муж остался там навсегда дышать рыжим пеплом. Дора ни за какие надбавки перебираться к вулкану не захо-

тела. Так и развелись. А тут еще и единицу ее на кафедре сократили. И вместо теории литературы, пошла Дора лифчиками торговать к приятельнице своей, на рынок. Вот там и встретила Заура. Он вроде распорядителя-администратора подвизался. Чистый, всегда в костюме. Кому, что, куда – это только к Зауру. Уважали его. Слушались. А он как-то раз подошел к ее лифчикам, да как спросит: «А нет ли у вас, уважаемая Айседора, бесов?» Дора не растерялась и домой его к себе пригласила, на «бесов», значит. Там у нее все собрание имелось – и «Бесы», и «Игрок», и «Идиот». Так и остался у нее Заур, зачитался. Даже на работу с собой книжки таскал. Отчего среди местных и прозвище получил сообразное – «идиот».

Мужчина непьющий, философией и литературой увлеченный. Удивительный. Вечером приходил и сразу к книжкам – и читает, читает, начитаться не может. Насилу отрывала. Год так прожили, и вдруг, как Лев Толстой... Ни дома нет, ни на работе. Она его искать пыталась, но зря. Пропал, сгинул, канул.

С рынка ушла почти сразу после «исхода» Заура. Товарки не давали ей покоя: шушукались, хихикали за спиной. И даже неряшливый шавермщик Акбар, когда она подходила к его ларьку разменять то сотню, то тысячу, пальцами отсчитывая купюры, надсмехался, интересуясь, не объявился ли ее «идиот».

Горько, горько было в то время Доре. Без мужчины –

ни кран починить, ни гвоздь забить. Невозможно и незачем без мужчины жить. Такое было ее мнение. Сама она без отца росла. Вскоре после ее рождения тот погиб. Вагонеткой сшибло. Он обходчиком был путевым. Помнит, как мать мучилась. Это ведь он ее Айседорой назвал. Мальчика ждал. Уже и имя приготовил – Сережа. В честь поэта Есенина. Но родилась девочка.

Тогда-то мать, глядя потрепанный, замасленный солидом томик, решила: будет дочка поэтом. Подработку взяла, во всем себя урезала, дочке чтоб репетиторов. А все зря – не вышло из нее поэта. Зато в теории литературы она разбиралась профессионально и уже на втором курсе писала что-то про поэтику литературного скандала. На третьем он и случился, только бытовой. Жена декана застучала в объездах своего пожилого супруга раскрасневшуюся растрепанную Дору. Обошлось. Как уж там они между собой объяснялись, декан с женой – одному их коту известно. Но утряслось. Дора тут же замуж за студентика выскочила. Вот тот был поэтом! Рифмовал «обильно – бессильно», влажно шлепая нижней губой. Дошлепались. Вскоре родился сынок. Папаша продолжал «шлепать» стихи, а мальчику нужно было на все лето на юг, легкие слабые лечить. «Разве ж это работа для мужика – стихи шлепать!» – однажды сказала мать твердо и забрала Дору из семейного общежития в свою комнату. Внука вынянчила. Дору снова замуж отдала. Сын жил с бабушкой и называл мамой до последнего ее вздоха. А ко-

гда остался один, перебираться в квартиру к отчиму наотрез отказался. С четырнадцати лет самостоятельно выживал под присмотром жизнерадостных старушек-соседок. Жили дружно. Дора навещала его раз в неделю по пятницам, после работы. Пакеты лопались, не выдерживая объемов и тяжести. Доре хотелось накормить сына самым лучшим. Да разве разнообразием и обилием подношений возместишь материнскую нежность! Каждый раз, вздыхая, гладила она сына по щеке, еще по-детски гладкой, и мягко просила быть благо-разумным. Он смотрел на мать отчужденно и, казалось, что только и ждал ее ухода. Звать в свой дом, где жила она с равнодушным к ее подростку ребенку мужчиной, Дора не решалась, знала – не пойдет. Характер бабкин: упрямый и самовольный. Сын сам научился готовить. В комнате, обставленной по-спартански, всегда было чисто: пол вымыт, старенький выщербленный паркет натерт до блеска. Бросалось в глаза разве что обилие книг, стоящих плотными стопками в углу под пленкой. Библиотеку Дора вывезла из собственной квартиры, как только муж зачихал, и ему показалось, что причиной тому – книжная пыль. А мальчик ее крепкий был. Она даже не помнила, когда болел. Может, не знала. Жил, учился, книжки читал. Потом в армию ушел. Ей ничего не сказал. Позвонил через неделю из части, Дору в известность поставил: «Не волнуйся, отслужу». Осталась Дора одна. Но надежды еще раз побывать замужем не теряла.

После месяца барахтанья в «зловонной трясине» амурных

сайтов, куда затянула ее подружница, вконец разочарованная Дора пришла к выводу, что найти там вторую половину – все равно что обнаружить бозон Хиггса. «Ну что ж, считаю вполне логичным сравнение сайта знакомств с адронным коллайдером... Только сайт сталкивает не частицы, а людей», – заметил как-то один веселый и бедный физик. С ним она имела недолгую, но интеллектуальную переписку. Физик жил с мамой в однокомнатной «хрущобе». Имел трех детей от четырех браков и радикулит, полученный им в результате напряженной работы над кандидатской диссертацией. Естественно, как перспективный вариант, он не рассматривался, хотя Айседора очень сочувствовала его ишиасу и охотно делилась в приватной переписке рецептами от скованности в хребте.

Устала. Дора быстро устала крутить калейдоскоп претендентов, настойчиво выискивая приличных из причудливых, чудаковатых, а то и попросту придурочных соискателей. «Кручу-верчу – любви хочу!» – подбадривала себя Айседора, вращая пальцем колесико «мышки». «Красавцы» мелькали на экране ноутбука. Обычно она забивала в поисковик две цифры: 40-50. Сразу вываливалось около десяти тысяч ссылок: в буденовках и тельняшках, на «Рейндж Роверах» и велосипедах, в горах и на море, с удочкой и с бутылкой, в трениках и при смокингах, короче, всяких разных – и ни одного подходящего. И тогда Дора поняла, что лучше сформулировать, кого не хочет видеть рядом. Ее шорт-лист отрица-

ний выглядел примерно так: болельщика, такого, с шарфиком на шее, усатого, пузатого или худого отставника в камуфляже, кто на фото с рыбой или в трусах... Список можно было продолжать до бесконечности. Но все же с некоторыми она встречалась. И снова разочаровывалась. Ее тянуло к брутальным, содержательным самцам, а вокруг вились неказистые поэты с самодельными виршами в профайле да дряблые неухоженные интеллектуалы вроде того, что как-то назначил ей свидание в кафе «Тишина» неподалеку от кладбища и, не угостив даже чашкой чая, принялся пытаться свежеспеченным в ее честь мадригалом, а закончив, предложил прошвырнуться к литераторским могилкам. Она, конечно, отказалась.

Отказала и другому, явившемуся на свидание с иллюстрированной энциклопедией прерафаэлитов. «Это вам вместо цветов», – ошарашил ухажер. За обедом в итальянском ресторане он ел и рассказывал о художниках – Годварде, Уотерхаусе, Хьюзе. Красный мясной соус капал на его огромный, прикрытый белой салфеткой живот. Еду все подносили и подносили. Челюсти его месили и месили: равиоли с ягнёнком в томатном соусе, тальятелле с лососем, тортеллини из пармской ветчины... На одутловатом лице Дора насчитала восемь неприятных коричневых бородавок. Увлечшись, собеседник часто прихватывал кончик носа двумя пальцами, будто проверяя, не намокло ли, при этом большой непременно залезал в глубокую темную ноздрю. Жест показался До-

ре чересчур вульгарным. Да и манера размахивать руками и громко говорить ее тоже напрягала. Позже выяснилось, что кавалер работал прорабом на большой стройке. Тогда, глядя на него, Дора сочинила, пожалуй, свой первый в жизни стих: «Он сказал ей, ковыряя в носу: а не съесть ли нам по тирамису...» Воистину, не знаешь, где подкараулит тебя вдохновение!

От следующего претендента – длинного, худого, дерганого гражданина, художника с испанской бородкой и изумрудной бабочкой на жилистой шее – она и вовсе бежала, как только разглядела его изрытую молью широкополую фетровую шляпу с припудренными нафталином полями.

«Все! Пусть сгинет моя красота и молодость без любви и обожания... Но на амурные сайты я больше не хожу. Буду в реале знакомиться. Там хотя бы сразу видно, кто есть кто. А то ждешь рыцаря на белом коне, а на свидание приходит даже не конь – козел! Неее, мне такие потрясения ни к чему», – твердо решила Дора и немедля удалила свои анкеты со всех лямурных сайтов.

Теперь, когда сына призвали в армию, а она так и не смогла найти замены своему начитанному лезгину, ей стало еще тоскливей. Но Дора бодрилась. По выходным, нагруженная провиантом, моталась в ближний пригород, где сын Лешка нес службу.

Через вертушку КПП ее пропускали в комнату свиданий. Она усаживалась за облезлую парту на жесткий стул и ждала.

В воскресный день все столы, расположенные в два ряда, были заняты друзьями-родственниками новобранцев. В душевной комнате стоял резкий запах стряпни. Понаехавшие группировались вокруг какого-нибудь лопухого бойца, воркуя, наперебой закладывали ему в рот куриные окорочка, колбасные кружки и конфетки. Не успевая прожевывать, дитячко лило себе в горло томатный сок, а на вопросы родичей только мычало и кивало бритой головой.

Вот и нынешним воскресеньем, дожидаясь сына, Дора притулилась в уголке гостевой комнаты на стуле. На столе рядом уже откушали и убрали кости в пакет. Сейчас придет ее Лешка. Высматривая его через окно, она нащупала в сумке еще теплого, завернутого в фольгу и газеты цыпленка. Но сын все не шел. Чернявый боец с красной повязкой на рукаве бежал по дорожке к КПП. А через минуту дневальный попросил ее пройти с ним в штаб. Подхватив сумки, она двинулась вслед за солдатиком.

Робея от неожиданности и неизвестности, зашла в кабинет. Командир части, крепкий лысый мужичина при больших звездах, посмотрел на нее исподлобья. Второй, хмурый офицер, сидел за столом напротив, сжимая в руках связку ключей.

– Присядьте, – обратился к ней лысый, и мир качнулся в испуганных глазах Доры. Она медленно опустилась на стул. – Сын ваш сейчас в госпитале. Да вы не волнуйтесь. У нас тут один тоже слегка пробежался по плацу – и трындец. Сердце

не выдержало. У него сердце раза в два больше, чем положено было. И у папы было. В военкомате проглядели. Он у вас на гражданке не болел? Может, пил? Или чего хуже?

– Нет, – еле вымолвила Дора, бледнея.

– Ладно. Вы можете к нему проехать. Капитан Колотухин объяснит, как.

Колотухин – огромный, метра под два. Глаза синие-синие. Красавец. Вывел ее в коридор. Они спустились к выходу. Внизу, на крыльце штаба, капитан прищурился от яркого солнца и, глядя в сторону, пробубнил: «Щас за бойцом поедут. Вы на КПП обождите, «санитарка» вас подхватит до госпиталя».

Помолчал и, сильнее сжав в кулаке связку ключей, спокойно добавил: «Вырвал бы я клоуну вашему ноги из задницы, чтоб больше по шлюхам не бегал и не бухал. Да он, сука, больного включил!»

Ни раздражения, ни ненависти в словах капитана не было. Ясно было одно: дали б волю – убил! Вот этими самыми ключами и убил бы.

– Был у нас уже один такой, продюсер, падучего изображал, – Колотухин смотрел скучающим взглядом вверх Дориной головы. – Так мамаша его тоже приезжала, как сейчас помню, Марина Эдуардовна, учительница французского. Тоже убежал и пил неделю. Дома, правда, пока та не позвонила – заберите!

– Не может быть... Как же это... – бормотала Дора. Услы-

шанное не укладывалось в голове. Но Колотухин продолжал ее пугать, бесстрастно и убедительно. Он в окно от нас в одних трусах и тапочках со второго этажа сиганул... В сугроб. Мороз, помню, градусов двадцать. Так мы его упаковали в одеяло и в багажнике – в часть. К батарее приковали и миску поставили с едой.

Глаза Доры все больше округлялись, но Колотухин не замечал ее испуганного изумления.

– У него отходняк – воет, как собака. Вонючий, грязный. Мамаша-фифа приехала – деньги привезла. Мы его прямо в части закодировали. У нас один капитан кодировался. Своего врача привез и закодировал продюсера. Он нам еще спасибо сказал и дослужил нормально. Ничего, всяких ломали. Разберемся и с вашим.

– Не может быть... Что ж теперь будет...

– Я б его под трибунал! Но командиру в этом году поступать в академию. Так что... Вы с сыном своим поговорите и объясните, что в дисбате я для него коечку зарезервировал. Еще один финт – и пойдет обживать.

Через час она дотряслась в разбитой «санитарке» до гарнизонного госпиталя. Сын показался ей возбужденным – глаза лихорадочно горели. Дора потрогала губами лоб.

– Сынок, как же это? Тебя били? – она вспомнила увесистую связку вроде кастета в руках Колотухина. – Ключами? Зачем ты покинул часть?

– За пивом! Сержант ночью поднял. Родина-мать зовет.

Пива хочет. Роди нам пиво, говорит. Не родишь – прокачают.

– Что это? Как? – в глазах ужас.

– До потери пульса.

– Сынок, ну обещай мне, что не будешь пить. Я вот тебе цыпленка... Сигарет, как просил. А вот, – рука ее вытянула из пакета жестянку. – Нет. Колотухин запретил, – пиво скользнуло на дно пакета. – Обещал, если все осознаешь, то и не накажут. А что болит-то у тебя? Голова? Сердце? – Она принялась ощупывать сына. Тот отшатнулся.

– Ничего не болит уже.

– Вот и хорошо. Потерпи. Уже недолго осталось, – она сунула ему в руку пакет. – Я пойду. А то автобус потом долго ждать. Давай, сынок, не болей. Я приеду в следующие выходные.

Расстроенная Дора не понимала, как же так. Она вздыхала, но винить себя даже не думала. Авось обойдется. Сын дал ей слово больше не бегать, а командир – не привлекать к суду. Все и обошлось. Правда, услали в дальнюю часть Лешку. В лес дремучий. Колотухин позвонил через неделю, мол, жив-здоров ваш ребенок. Ждите, мать. Отдаст Родине, как положено, год своей молодой жизни и пусть катится ко всем чертям. В общем, успокоил ее Колотухин и даже обрадовал. Ждать со спокойным сердцем легче, любая мать знает. Даже такая нерадивая, как Дора.

Глава вторая

Яркий и теплый октябрь не отпускал бабье лето. Вместо набрякшего серого неба, над головами прохожих светило вполне румяное солнышко, разогревавшее атмосферу так, что некоторые особы женского пола все еще щеголяли в туфлях. Приятно было, ни о чем не думая, идти по сухим тротуарам, любоваться одетыми в «багрец и золото» деревьями, тихо напевая какую-нибудь ерунду вроде «купила мама Леше отличные галоши, галоши настоящие, красивые, блестящие...» и радоваться своим новым сапожкам из лакированной кожи, купленным по случаю почти задаром.

На остановке Дору догнал автобус. Сапожки, хоть и были удобными, но мизинцы, сдавленные обновой, стали робко сопротивляться, напоминая о себе легким жжением. Дора заскочила в автобус и, усевшись, стала смотреть в окно. Солнце еще припекало. Закрыв глаза, она представила себя в шезлонге на берегу моря с бокалом джуса в загорелой руке. Ей так хотелось на море... Но теперь она ехала на смену в «Золотую иглу», куда недавно устроил ее счастливый «несчастный случай».

В такое тепленькое местечко, где еще и неплохо платили, попасть с улицы было так же нереально, как поцеловаться наяву с Джонни Деппом. И все же это случилось! Правда, за такое везение Доре пришлось пострадать – трещина в лучезапястном суставе и пара ссадин на коленках. Зато теперь у нее отличная работа: сутки через трое с кофейком, книжечкой и коечкой, куда можно прилечь вздремнуть с двух ночи

и до пяти утра. И все это блаженство она обрела, чуть не попав под колеса белого джипа управляющей этой самой «Золотой иглой».

Случилось это, как в плохом сериале.

В тот день вроде и Аннушка не разливала масло, и до льда под снегом еще жить да жить, но, как только Айседора шагнула на проезжую часть дороги, нога в разношенной туфле вдруг подвернулась, и, словно подстреленная утка, беспомощно выставив вперед руки, Дора плюхнулась на асфальт. Пока она подбирала с дороги обувь, вспыхнул зеленый, и выскочившая из-за угла машина чуть не переехала ее окончательно. Тормоза взвизгнули, но в последний момент остановили колеса в полуметре от Дориного зада.

Из авто выскочила особа женского пола с перекошенным от ярости ртом и принялась осыпать несчастную такими яркими эпитетами, что прохожие остолбенели, а сама Дора, кроме психологического шока, получила еще и лингвистический. Возможно, автоледи так бы и бросила на дороге незадачливую пешеходицу, а может и попинала ее лабутенами в воспитательных целях, но на счастье где-то совсем рядом завывла сирена. Разбираться, кто там воеет, полиция или пожарная, особа не стала – подбежала к растерянной Доре, уже нацепившей на ногу предательскую туфлю, и дернула за руку, увлекая в сторону автомобиля. Дора взывала от боли не хуже сирены.

– Что орешь?! Садись в машину! – скомандовала груби-

янка и затолкала жертву ДТП в свой белоснежный джип.

Так они и познакомились, Снежана Сергеевна и Дора. Кое-как разговорились. Оказалось, что живут в одном доме и даже в одном подъезде. Только Дора уже десять лет в оставленной мужем квартире, а Снежана Сергеевна два месяца снимает трешку на пятом этаже.

Дора плохо разбиралась в жизни, в людях и в модных брендах, но определить, что они с новой знакомой – элементы разных страт, смогла на раз. Дорины – жуют скидочную колбасу и ездят в трамвае, а холеные особи вроде ее соседки предпочитают рестораны, где подают на ужин еду нездоровую, но красивую.

Вот только определить возраст Снежаны Сергеевны как ни старалась – не смогла. С виду – девушка: лицо без единой морщинки, словно свежезалитый каток. Фигура без намека на жиринку, будто ее отлили из стали. Грудь, попа, ноги – не придерешься. Не женщина – золотой Оскар. Приз. Только за что и чей – Дора пока не знала.

Снежана Сергеевна виртуозно припарковала машину между мусорным баком и спящим на картонке бомжом, открыла багажник и непринужденно нагрузила Дору пакетами с едой вроде та – прислуга со стажем. Дора покорно приняла груз и поплелась следом. Не бросить же. Хоть и тяжело, но неудобно отказать соседке, – так уж воспитана.

У самой двери ее новая знакомая остановилась и резким движением сорвала «язычок» объявления. Из-за ее плеча

Дора успела прочесть: «Дорого, да мило. Профессиональное мытье окон».

А почему бы не предложить себя? Она и недорого могла вымыть, и вполне мило, но намекнуть об этом своей новой знакомой было как-то неудобно. Уже в квартире, глядя на обрывок объявления, брошенный на столик в прихожей, она, наконец, проямлила про то, что стекла хорошо натирать газетками. Сверкают – изумительно.

Снежана Сергеевна сразу все поняла, видно, профессиональным чутьем уловив флюиды неустроенности, исходившие от соседки, и уже на следующий день та намыла в ее квартире и окна, и двери, и полы. Вот только незадача: по непроницаемому лицу хозяйки угадать, довольна она работой или нет, не смог бы и профессор физиогномики! Потому чувство неопределенности слегка доставало Дору, ну да ладно. Заплатили-то щедро. Но на следующий день все прояснилось самым приятным образом. Встретив соседку в лифте, Снежана Сергеевна сходу предложила ей убирать квартиру, а позже в «Золотую иглу» устроила.

И вот теперь она здесь, в сверкающем мрамором и хрусталем холле с подлинниками каких-то неизвестных мастеров абстракционизма на стенах – в лиловой униформе сидит за высокой стойкой рецепции, вскакивая каждый раз при приближении жильца-счастливца. Но таких совсем мало. Если не сказать, что их и вовсе нет. Ходят туда-сюда пока только риелторы да бригады работяг: от улыбчивых смуглых азиа-

тов до шумных, зверски матерящихся молдаван.

– Сколько нужно повторять! Мусор только через технический блок! – отчитывала Снежана Сергеевна группу тщедушных гастарбайтеров в заляпанных краской и пропыленных комбинезонах. Те испуганно озирались, ища то ли поддержки, то ли защиты. На помощь им пришла Дора. Подбежала и жестами показала куда нести. Рабочие что-то пролепетали на непонятном наречии и поволокли мешки по заданному курсу.

– Видимо, новенькие... – проямлила Дора в оправдание.

Холодный взгляд повелительницы элитного царства обжег презрением: «Вы здесь зачем? Вызывайте уборщицу!» Снежана Сергеевна носком туфельки чиркнула вдоль цементной дорожки и, развернувшись, звонко цокая каблуками, торопливо вышла через огромную стеклянную дверь на улицу. Дора испуганным взглядом проводила ее до авто. Уехала. Надолго ли? «Вот злыдня! Фурии и гарпии, по сравнению с ней – просто дети», – вздохнула Дора и отправилась за свою стойку.

– Что, досталось? – пузатый мужик лет пятидесяти, разглаживая двумя пальцами желтоватые усы, тарачил на нее мутные глазки. Это охранник Пшёнкин. Лицо у него круглое и вечно озабоченное, будто он уже прошел в депутаты. Пшёнкин метил в органы власти, потому приходилось Доре выслушивать про то, какая тупая и продажная – нынешняя, и что нужно дать избирателям, чтобы сделать их богаче. А

богаче, по мнению Пшёнкина, людей может сделать не налоговая реформа, а индивидуальные вентили на каждой батарее. Он уже и предвыборный лозунг сочинил: «В квартире каждой – счетчик для граждан!» Дело за малым – дождаться выборов. Пшёнкин уже год мучил муниципальный люд на предмет счетчиков и имел шансы попасть в низовое звено власти, если все будет по-честному. В чем сильно сомневался сам кандидат.

– Я вчера ходил по квартирам со своим предложением, – начал было Пшёнкин. Но Дора остановила его: «Тссс!» – и кивнула в сторону огромных зеркальных дверей входа.

Охранник, до того давивший задом кресло, вскочил, убежал на середину холла и принял устрашающий вид: ноги на ширину плеч, большие пальцы за кожаный ремень. Кобура под ладонью. Что в той кобуре – не ясно. Зато эффектно, как в американском боевике. Дора тоже навтыяжку. Скамеечка под ногами, чтобы выше, презентабельнее. Из-за стойки все равно не видно, что под ногами подставка. Не вышла Дора ростом, даже каблук не спасают. Метр шестьдесят вместе с ними. Правда, на скамейку она без туфель вскочила. Ждет. Смотрит пристально за стекла. А там – суета. Несколько машин подкатило. Люди из них выскакивают. Трое в темных костюмах – сразу в двери. Рассредоточились и озираются, будто премьер министр к ним пожаловал собственной персоной. Местного охранника и не видно из-за плеч дюжего молодца с передатчиком в ухе. Пшёнкин было дернулся, но,

поняв, что тут главный не он, отступил в тылы, за рецепцию.

Боясь пропустить главного, Дора с интересом вглядывалась в лица: что за VIP пожаловал?

В распахнутую дверь, напрягая под пиджаками бицепсы, двое атлетов занесли инвалидное кресло и, не останавливаясь, проследовали к лифту, уже распахнувшему двери для знатного пассажира.

Лицо сидящего в коляске человека скрыто полями надвинутой на нос синей шляпы, тело обмотано в толстый плед от ног до подбородка. Понять, кто под пледом, невозможно. Снежана Сергеевна – в свите. Прямая, подтянутая, с торжественным лицом императрицы. Рядом с ней риелтор – тщедушный, дерганый, руки за спиной – нервно постукивает себя по заду папкой с документами.

Свита скрывается в лифте. Один охранник остается на месте. Голова на его могучей шее еще какое-то время вращается, ищет скрытую угрозу. Не обнаружив ничего подозрительного, он застывает, уставившись в стену напротив.

– Какая-то личинка в шляпе, а свита – как у президента, – Пшёнкин бросил недобрый взгляд в сторону конкурента. – Ты посмотри на этого. Терминатор, блин. Вообще не моргает.

Увлеченный своей болтовней, Пшёнкин ходил взад-вперед мимо Доры, но та его не слышала. Завороженная, она глядела на невозможного красавца в черном костюме. Заметив ее восхищенный взгляд, Пшёнкин осуждающе кряк-

нул. Дора вздрогнула и прыгнула с пьедестала. На мгновение нырнув с головой под стойку, сунула ноги в туфли на фантастических каблуках и, мазнув губы кармином дешевой помады, вынырнула сущей красавицей. С призывным ртом и блестящим взглядом вождедеющей самки. Пшёнкин при- свистнул и плюхнулся снова в кресло – он тут лишний.

Вот же он! Мужчина – мечта! Мужчина – стена! Мужчина – экстаз! Что-там еще... Недвусмысленные взгляды и улыбочки, брошенные в сторону объекта, остались без внимания. Все тщетно – броня! Неудачный флирт ранит женщину в самое эго, заставляя задуматься: а так ли хорош этот мачо?

Расстроенная Дора юркнула за стойку, скинула туфли и сунула в рот шоколадную конфету «Мечта», потом другую, третью... В задумчивости она и не заметила, как сжевала половину пакетика.

Скрестив на животе короткие ручки, Пшёнкин дремал рядом в кресле.

«Нет, ручки у него нормальные, – Дора рассматривала сослуживца. – Ручки нормальные, вот живот – ненормальный». И она медленно приподнялась со стула, чтобы еще раз взглянуть на идеального самца. Стоит, не дрогнет. Мону- мент! Так бы и любовалась всю жизнь.

Нежный и звонкий сигнал прибывшего лифта разбудил Пшёнкина. Он вскочил. Осоловелый его взгляд уперся в черную массу высыпавшихся из лифта секьюрити. Охрана устремилась на выход. «Мону- мент» ожил, с легкостью под-

хватил коляску со своей стороны за хромированную ручку и на пару с другим охранником понес к выходу, точно это не инвалидное кресло, а паланкин падишаха.

Последняя попытка привлечь к себе внимание выдернула консьержку из-за стойки. Лучезарная и ароматная Дора робко пристроилась возле Пшёнкина, подобострастно взявшего под козырек. Коляска проплыла мимо. Человек, в ней сидящий, на секунду вскинул голову: взгляд из-под полей шляпы остр, точно бритва, свет глаз – как свет маяка в бурю. Но Дора, увлеченная совсем другим объектом, не заметила этой вспышки.

Невероятно, но охранники, сделав еще несколько шагов к выходу, вдруг аккуратно опустили коляску, и тот, что приглянулся Доре, подошел к ней так близко, что она различила на его мощной шее синеватый штрих-код татуировки, наполовину скрытый крахмальным воротником сорочки.

«Вы невозможно хороши, мадам», – произнес он, очами темными, как персидская ночь, отражаясь в малахите уже влюбленных женских глаз – и Дора поняла, что пропала навеки.

Глава третья

Поджав ноги, Дора уютно устроилась в кресле под пыльным торшером, в руке ее мерцал зеленоватый бокал с каким-то дешевым вином. Бумажный пакет с «дивным» напитком притащила Нинон. Сейчас, пустой, он валялся на по-

ду. Вообще-то не Нинон, а Нинка, но Дора называет ее на французский манер, как знаменитую куртизанку, писательницу и хозяйку литературного салона Нинон де Ланкло – необычайно остроумную изящную красотку, звезду тогдашнего бомонда. Нинка понятия не имела, кто такая эта Нинон, но имя ей нравилось. Потому она не противилась ему и уже привычно откликалась. Общего с французской тезкой у Нинки было немного, разве что чрезмерная любовь к мужчинам. Все остальное было кардинально противоположным: от образования, полученного в восьмилетке поселка Верхняя Низь, до фигуры, напоминавшей своими конфигурациями голландскую тыкву сорта «Баттернат», – узкие плечи и огромная задница.

Несмотря на все превратности судьбы, Нинон была веселой, бесшабашной и отзывчивой бабой, в личной жизни, как и сама Айседора, счастья не сыскавшей. Еще по молодости их сблизил общий диагноз – бесплодие. Вместе лечились «на грязях». Правда, у Доры он не подтвердился, и она чудесным образом родила сына Лешу, а вот Нинон так и осталась пустой «тыквой».

Уже достаточно захмелевшая, Нинон сонно шурилась, слушая рассказ Айседоры.

– Такой огромный... Подходит... Близко-близко... Я чуть не задохнулась от восторга. И говорит... Ты что, спишь? – Дора обиженно ткнула развалившуюся на диване подружку в бок.

– Что-то сонно мне... Погода, что ли...

– Ага – погода! Литр почти выкушала. Слушай дальше. Ты такого мустанга никогда ни увидишь! Такие по улице не ходят... Мачо!

– Да куда уж мне! К нам мачи не ходят. Одни клячи. Как же они меня достали, – Нинон даже глаза открыла, видно вспомнив что-то неприятное. – Я ж не в ВИП-хате работаю, как некоторые, а в Пенсионном фонде. Со всеми вытекающими. Вон вчера дед кадрился. Я в паспорт ему заглянула – восемьдесят через месяц! Ему уже надбавка за дряхлость положена, а он мне в декольте заглядывает, – Нинон широко зевнула и, подхватив полупустой пакет, поднесла ко рту.

В своем отчаянном желании понравиться Нинка нарушала все мыслимые границы и дресс-коды. Ясно, что в Пенсионном фонде, где она трудилась, соблазнять некого. Коллектив женский, в основном перезрелый. Но это не мешало сотруднице с очень сладкой фамилией Шербет приходиться на службу в чем-то совершенно невообразимом: сильно обтягивающем и чрезмерно откровенном, как в том стишке поэта Роберта Рождественского:

У певицы – свой резон.
Ведь не зря на ней одежда
с декольте
на шесть персон...

Хоть и не была Нинон певицей, но уязвленные ее вокалом звезды местных караоке-клубов выходили покурить, когда она затягивала хрипловатым меццо-сопрано что-нибудь из Ваенги. И вообще, была она из тех женщин, к которым влечет мужчин неведомая сила Эроса. Волосы – смоляная грива. Лицо – будто легким загаром тронута, и все на нем сочное, спелое, яркое, как в южном саду: губы, глаза... Бровь изогнутую приподнимет, глазом сапфировым сверкнет, улыбнется – и готов, голубчик. Жаль, ненадолго. Долго с Нинкой никто не выдерживал. Она как танк расплющивала мужчин своей инициативой. Энергична была во всем – от секса до выноса мозга по любому поводу.

С Дорой они составляли весьма экстравагантную парочку, когда появлялись вместе. Одна – маленькая, пышная, уютная зеленоглазая блонди. Другая – грузная, выше подруги почти на две головы и младше на три года, чем втайне гордилась. Ведь у нее еще целых три года в запасе до сорока, когда, по мнению Нинки Шербет, женщина уже не может выбирать, уже выбирают ее.

– Слушай дальше, – Дора будто не заметила язвительный комментарий и продолжила свой рассказ, мечтательно закатив глаза. – И говорит: «Мадам, вы невероятно хороши!» И смотрит. А глаза, глаза... Так бы туда и нырнула!

– Погодь нырять. Не наныряться еще? Заура вспомни. У того тоже глаза были о-го-го! Ты перед ним с люля-кебабами плясала, а он к бабе другой свалил. Я просто чую, что

там другая была. А у тебя переживал... Пока регистрацию оформит...

Слышать от подружки обидные слова Дора привыкла. Было еще обидней и от того, что догадка Нинкина могла оказаться правдой. Хорошо, что теперь она об этом не узнает. Впереди маячила новая мечта – мечта о красавце с татуировкой на шее.

– Сколько ему?

– В паспорт не заглядывала, но на вид около сорока. И тут на шее, – Дора коснулась своей, чтобы обозначить место удивительного знака. Не отнимая пальца, она продолжила все так же мечтательно, с нотками блюза в голосе, – синяя татуировка в виде штрих-кода.

– Ну, дела! Штрих-код?! Значит можно отсканировать и все про него узнать: сколько детей, жен и где прописан. – А в каком магазине таких продают, не спросила? – грубая шутка сбила мечтательный настрой подружки.

Нинка снова зверски зевнула.

– Ладно, Доруська, ты сильно не мечтай. А то, говорят, мечты сбываются, а ты чего-то недомечтаешь или перемечтаешь, а потом расхлебывай. Как там Лешка? Скоро дембель?

– Уже недолго. Его в другую часть перевели. Лес дремучий вокруг. Бежать некуда. Он меня, конечно, очень огорчил. Но обещал больше не куролесить.

Последние слова Дора договаривала в прихожей, придерживая одной рукой плащ: Нинон никак не могла попасть в

рукав. Наконец это свершилось. Сапожные молнии с трудом сомкнулись на внушительных икрах, и она, отдуваясь, выпрямилась перед зеркалом. Королевишна! Никаких комплексов, диет и рефлексий. Здоровая деревенская закваска и непоколебимая уверенность в том, что хорошего человека много не бывает. В том, что она – человек хороший, Нинка ничуть не сомневалась.

– Ладно. Пошла. Пожелай мне встретить мустанга, а не очередного осла или козла.

Слесарь с лямурного сайта ждал ее в пивной «Три поросенка». Итог был известен заранее. Ничего романтического в заведении с таким названием произойти не могло, хотя Нинка в душе надеялась. Она каждый раз надеялась. А надежд таких бывало и по три в неделю.

– Желаю! – привычно произнесла Дора на прощанье, прыскавая французской водой в щедрое декольте Нинон. Та было возмутилась. Она не терпела сладковатого запаха паучули, которым Дора злоупотребляла, вычитав где-то, что сей запах, привлекает самцов на подсознательном уровне. А еще деньги! Эта чушь настолько запала ей в голову, что в аптеке немедленно был приобретен пузырек с волшебным маслом. С тех пор на ночь Дора обмазывалась с головы до ног, еще и в кошелек капала. Только с деньгами по-прежнему было негусто. Даже новая работа оплачивалась скромнее, чем ее рыночный бизнес.

– Не сопротивляйся! Дело проверенное. Мустанг-то на за-

пах пришел. Так что терпи! – убедительно и грозно приказала Айседора и снова нажала на колпачок распылителя, но как-то неловко, и струя угодила подруге в глаз! Нинон взвыла.

– Ой! Теперь на что ни помотришь этим глазом, все будет твоим!!! – пытаясь спугнуть показавшуюся слезу, Дора активно замахала ладонью возле лица подруги. – Ты им на приличных мужчин смотри. На остальных можешь другим, – пошутила она, и обе расхохотались.

Заперев двери, Дора еще немного постояла в прихожей, разглядывая себя в зеркале. Тяжелый флакон с парфюмом вернулся на полку. Она взбила руками волосы на затылке и пообещала себе не мечтать перед сном.

Какое там «не мечтать»! Мустанг не выходил из головы. Преследовал и в душе, и за столом, и в постели. Стоило прикрыть глаза или просто задуматься, и он являлся, брал на руки и кружил, кружил... Вроде ей снова шестнадцать.

Дора опаздывала. «Только бы не было Снежаны... Только бы не...» В висках стучало, затылок ломило. Во рту – мерзкий привкус металла, как если бы ночь она проспала с алюминиевой ложкой за щекой. И выпила ведь всего ничего. В сумке постукивала пара бутылочек «Актимеля», купленного по пути. Из-за них-то она сейчас может лишиться места. Ее предупредили: опоздание – увольнение!

Мелким торнадо, раскрасневшаяся, с растрепанными ло-

конами, она ворвалась в сияющий холл. На ходу срывая пальто, промчалась мимо ожидавшего в кресле незнакомца.

– Снежана тут? – бросила коротко из-за стойки.

Мрачный Пшёнкин качнул головой, мол, нет, но с Дориного места так и не встал.

В задумчивости он продолжал чертить на бумажке круги и зигзаги. Причиной его поганого настроения стал очередной отказ в регистрации, а не опоздание сослуживицы, как та могла подумать. Нет. Просто Пшёнкин снова пролетел мимо выборов. Но не унывал. На горизонте уже маячили выборы рангом повыше. На этот раз Пшёнкин разрабатывал стратегию попадания во власть в рядах одной из правящих партий – на себе, как на независимом кандидате, поставив жирный крест, который тут же и изобразил на бумаге.

Дора забежала в «дежурный будуар», он же – комната отдыха, отведенная под нужды консьержек. Пару раз прошлась по волосам расческой, мельком заметив, что пора бы обновить стрижку. Хлебнула из бутылочки «амброзии», сморщилась и, промокнув губы салфеткой, вышла «на работу».

И тут ее ждал сюрприз. Пожалуй, первый из столь ожидаемых. Дом-то – элитный. Значит и жильцы должны быть под стать. Вот он, первый! Как же она не узнала сразу! Дора почти взвизгнула: «Пшёнкин! Смотри! Смотри! Это же этот... Как его... Щас... Точно! Влад Лошанский!» Пшёнкин оказался безучастным к ее восторгам.

– Ты, что не смотришь шоу «Проснись и пой»?!

Охранник нехотя приподнялся, чтобы взглянуть на человека, по поводу которого столько треска, и снова сел.

– Нет. Не смотрю. Я, когда просыпаюсь, не пою. В туалет иду, зубы чищу, завтракаю. Иногда гантелями помашу...

– Да ты что! Его же вся страна знает!

– Ничего-ничего, – угрожающе прошипел Пшёнкин. – Скоро и меня вся страна узнает.

Дора его не услышала. Она уже стояла возле знаменитого гостя с монализовой улыбкой, загадочной и обворожительной. Такая надевалась в особых случаях и только для ценных персон. На курсах для VIP-консьержек их обучали разным приемам коммуникации. Теперь настало время практики.

– Добрый день! Я могу вам чем-то помочь?

Мужчина оторвался от журнала и поднял глаза.

– Добрый... Снежана Сергеевна уже едет. Спасибо.

Нарушая все запреты и правила, Дора продолжала стоять. Ей хотелось завалить обожаемого шуомена комплиментами, но язык присох к небу. Возможно, по причине вчерашних возлияний, а может от волнения.

Мужчина снова обернулся:

– Селфи?

Ответа не последовало.

Тогда он достал из кармана пиджака визитку и протянул остолбеневшей Доре.

– Вы поете?

Она замотала головой, но тут же опомнилась и схватила

визитку.

– У меня подружка поет, – и вдруг осмелела. – Влад! Возьмите ее на шоу. Послушайте. Она поет просто изумительно. Как Синявская и Каллас, и даже лучше Ваенги...

Мужчина вновь оторвал взгляд от глянца с парнями.

– Неужели лучше Ваенги? – в словах сквозила ирония, но Дора не замечала. Вот же он, шанс для Нинон!

– Лучше, лучше... У нее четыре октавы, – кивнула она. – Как у Лепса.

– Ваенгалепс, значит... А как зовут его?

– Кого? – Дора растерялась.

– Подругу вашу как зовут? – Неожиданно мужчина извлек из-под себя крошечную лысую собачку и прижал к груди. Собачка даже глаз не открыла.

– Нинка... – начала было Дора представлять свою подружку, но вовремя опомнилась. – Нинон Шербет.

Мужчина присвистнул. Интерес сверкнул в его пустых глазах.

– Нинон Шербет. Сама придумала?

– Папа с мамой. Это настоящая, не псевдоним. Звучит, правда?

– Правда. О'кей. Визитку?

Дора вернула. Мужчина быстро написал на обратной стороне цифры телефона и фамилию «Слонов».

– Вот. Скоро кастинг в вашем городе. Пусть позвонит по этому номеру. Скажет, что я просил прислушаться. А лет

сколько?

– Тридцать семь...

– Ну, да. Самое время оставить кастрюли и выйти на сцену.

– Но...

Возразить она не успела. Алый плащ Снежаны Сергеевны, мелькнувший за дверями, сорвал Дору с места, и она, распрощавшись, поспешно вернулась за стойку, прижимая к груди заветную карточку.

Глава четвертая

– Любой на твоём месте лопнул бы от счастья! Это шанс! Шанс показать себя! Ты ж талант, а талант зарывать – грех. Давай, Нинон... Через неделю позвоним Слонову и...

– Не хочу, – вяло перебила, подцепила на вилку имбирный лепесток, сунула в рот и принялась посасывать его, точно леденец. – Ты ж знаешь, я пою, только когда выпью. А бухой меня на сцену не пустят.

– Вот ты дура, что ли? Я о тебе подумала, а ты о себе не хочешь! Так и будешь до пенсии киснуть среди старья. Я бы сама пошла, будь у меня хоть полторы октавы и дельфиньи легкие. Но я ж как мышь пищу. Даже пятидесяти баллов не набираю. Ну, девочка моя, давай попробуем. Это ж так интересно. Люди новые, тусовка, мужчины, – Дора отправила в рот рисовый комок. Энергично прессуя его зубами, она не переставала нежно уговаривать подругу. Но та с каменным

лицом ковыряла имбирную горку. Тогда в ход пошла тяжелая артиллерия – игра на самолюбии.

– И вообще, еще не ясно, возьмут тебя или нет. – Нинка встрепенулась и, бросив вилку на стеклянный столик, сдвинула брови. Она смотрела в упор. В глазах разгорался бесовский огонек. Дора мгновенно уловила это внутреннее преобразование и с нарочитым равнодушием продолжила дразнить. – Знаешь, наверное, ты права. Куда тебе с такой жопой на сцену. Продолжай. Отсиживай ее в душном фонде. Нарасчивай капитал. К пенсии будешь шестидесятого размера. А попеть мы и в караокеходим. – Она накрыла ладошкой, лежащую на столе визитку, собираясь ее скомкать. Но глянец был крепок и не поддавался. Наоборот, ранил острым срезом нежную ладошку. Дора ойкнула и отдернула руку.

– Ладно. Давай, – зажав между двумя пальцами карточку, точно бритву, Нинка пристально разглядывала побуревший срез. – Если не пройду, вскрою ей вены.

– Нет, ну точно ду... Дурища! – поперхнулась Дора и поспешно выдернула карточку. – Конечно, пройдешь. Давай я позвоню. А то ты еще что-нибудь не то ляпнешь.

– Ляпну. Не сомневайся. Я ж бестолковая, как пень. Позавчера в «Трех поросятах» мы с Анатолием футбол смотрели...

– Сантехник?

– Да. Всем интересно, одной мне – нет. Отмучилась я там два часа. Если бы был какой-нибудь гном с кружкой, я б сра-

зу ушла. А этот – богатырь. Жаром от него так и пышет. Рыжий, и хвост на затылке с мою руку. Прикинь, он про меня забыл.

– Как это?

– Так. Забила его команда на последней минуте. И там такое началось! Со всеми мужиками целовался-обнимался. А потом свалил. В общем, очередной козел.

– Может, ты на него не тем глазом смотрела, – хихикнула Дора, лизнув саднившую ранку. – Я ж тебе говорила. Левым. Левым смотри! А, может, правым... Не помню...

– Да я на него обоими тарасилась. А он ни на секунду от экрана не оторвался. В перерыве подмигнул, правда. Говорит: «Подожди, Жанна, я сейчас». Я ему: «Нина я». А он десять минут отливал свои три литра. Пришел и снова в экран уставился. Козел.

– Ты, Нинон, достойна большего. Как запоешь, так все продюсеры, как тигры, у ног твоих сядут. Вот только трико-таж свой обтягучий – в топку. В таком виде на кастинг не нужно. Ты что-нибудь размахайское купи. Чтобы загадка под фалдами. Чтоб не пугать сразу.

– У меня, между прочим, своя пятерочка. Так-то. Есть чем гордиться, – подбоченилась и выпятила грудь Нинка. Поначалу смурная, и вот уже залихватски веселая, готовая и петь, и даже плясать.

За окном быстро темнело. Поболтав еще немного, они расплатились и вышли на улицу. Дождь тихо сеял холодные

капли. Вечер окутал город искусственным светом фонарей и витрин. Осень – безрадостное время. Но для тех, у кого в душе хотя бы покой, она не страшна и не уныла. Просто осень. Очередное время года. Ведь счастье не зависит от погоды. Подруги шлепали по лужам под одним зонтом и, кажется, были счастливы – счастливы от предвкушения какой-то неясной радости, затаившейся за горизонтом. За горизонтом, теперь очерченным глянцевой карточкой надежды.

Суета следующей недели сильно пошатнула бюджет Нинон Шербет. Ее скудный гардероб на сутки пополнился шикарным концертным костюмом ценою с холодильник. Комплект из шаровар и парчового кафтана цвета ржавой листвы, затканного турецкими огурцами, она купила с легкостью жены олигарха. Энергичная продавщица виртуозно ее облапошила. Расправляя складочки, одергивая полочки и разглаживая спинку, она вертелась осой вокруг потенциальной жертвы и все же смогла убедить, что вот этот костюм янычара сидит на ней изумительно.

И теперь не менее изумленная Дора молча ходила вокруг подруги, упакованной в искристый шик, недоумевая, как можно так заблуждаться насчет своего размера.

– Если честно, то вот эта скатерть, – она ткнула пальцем в кусок потертого сиреневого плюша с бахромой, укрывавшего круглый стол в Нинкиной гостиной, – смотрелась бы на тебе не хуже. А даже лучше. Зачем ты опять обтянулась?!

Тебя точно нужно на другое шоу. А потом уже петь. Снимай это немедленно!

– По-моему, неплохо. Еще прическу... – упрямая Нинон подобрала тяжелые пряди, быстро скрутила в жгут и прихватила на макушке пластмассовым «кравом». Но они не подчинились и снова рассыпались по плечам. – Хотя и с распущенными неплохо.

– Плохо. Ты сейчас снимаешь все это, складываешь в пакет, и мы идем сдавать.

Нинон умоляюще глядела на подругу, но та холодно отсекла всякие возражения: «Я тебе добра желаю, а та тетка из магазина – бабла!»

Огорченная, уступившая, она аккуратно сложила на тахту и кафтан, и шаровары. На прощание погладила рукой колющую ткань и сунула в пакет. Одежда была близка ей по духу. Если б в той лавке продавался ятаган в качестве модного аксессуара, без сомнения, Нинон приобрела б и его.

Возврат проходил в менее радужной обстановке. Янычарские доспехи назад принимать не спешили, ссылаясь на отсутствие наличных и присутствие внутренних циркуляров. Пришлось поугагать старшую из продавщиц Роспотребнадзора и судом. Она кривилась, кому-то долго звонила. Дозвонившись, говорила сбивчиво и быстро, то уходя от посторонних ушей в подсобку, то возвращаясь. В конце концов она открыла кассу, нервными пальцами несколько раз пересчитала купюры и, приняв заявление, рассталась с деньгами.

Теперь путь подруг лежал в менее пафосный магазин. В их спальном районе таких имелось в изобилии.

В торговом зале площадью с футбольное поле был найден наряд на порядок дешевле и скромнее. Весь перекрученный, вывернутый наизнанку, воткнутый как попало в плотный ряд таких же беспонтовых тряпок стокового маркета, он так бы и не дождался своего звездного часа, но Дорин талант отыскивать в куче хлама эксклюзив не дал ему затеряться. Вещица была – вау! – несмотря на обилие крестов перед «L» и надпись «made-in-China». Балахон а-ля Пугачева-80, пепельный с розовыми разводами, скрывал все, кроме головы. Нигде не жал, не топорщился. Напротив, легко и нежно струился, холодя тело.

В примерочной, бросив сумку на табурет, Нинка крутилась перед зеркалом. Вскидывала руку с воображаемым микрофоном, словно она уже на сцене, и низко кланялась, повернувшись к Доре задом – не слишком ли? Нет? Все нормально? Нигде не выпирает? Тебе нравится? Дора в кабинку не помещалась, да и Нинке в ней было тесновато. Неподдалеку в зале сверкало зеркало. Нинон выбежала к нему, повертелась, сделала еще пару пассивов руками под одобрительные хлопки подруги. И минуты не прошло, как она вернулась в примерочную. Стянула платье, уже надела свою кофту и тут заметила, что сумка расстегнута...

– А-а-а!!! – Утробное рычание взбешенной львицы напугало Дору. Она отдернула шторку. В углу на табурете сиде-

ла полуголая Нинка с выпученными глазами. На ее бледных ляжках лежала раскрытая сумка. – Кошелек спи... пи... пи... – заикалась она.

Не раздумывая, юркой мышью Дора неслась по рядам в надежде отыскать вора. Но куда там – его и след простыл! Недовольная кассирша вскинула брови: «Мы не отвечаем. За вещами смотреть нужно. А видеозапись только по требованию полиции. И вообще – сами виноваты».

– Концерт окончен. Гаснет свет... – неспешно выплывая из примерочной, почти басом подвела итог Нинка. Вешалку со злосчастливым балахоном она оставила на ближайшей стойке и уверенно направилась к выходу. – Видно не судьба, видно не судьба... – тихо подвывала она.

Семенившая за ней Дора подхватила наряд.

– Как ты быстро сдалась! Ну, украли, и что? Не жить теперь? Знаешь, как евреи говорят? Спасибо, Господи, что деньгами! Подумаешь, пятнадцать тысяч. Я тебе куплю это платье.

Дора комкала злосчастный наряд, отыскивая бирку с ценой. Наконец нашла. – Всего-то полторы...

– Нееет! – гаркнула Нинка на суетливую подругу и, вырвав из ее рук балахон, кинула в корзину с носками. – Нет!

Брать снова – идти наперекор. Такие вещи с ней не проходили. Сказала – отрезала. Заявление в полицию писать не стала. Смысл? Если и найдут, то денег все равно не вернут. К тому времени они уже будут потрачены.

Неудачный день подругам скрасил пакет жутко кислых «Жемчужных слез». Та еще дрянь. Поначалу Айседора хотела утешиться любимым мартини, но кассирша никак не могла найти ключи от витрины, за которой прятали благородный напиток от любителей распивать в торговом зале.

«Фиг с ним! Берем бумажное», – распорядилась Нинон и цапнула со стойки ординарное в тетрапаке.

Разлитые по стаканам, «Слезы» хорошо пошли под золотистые оладьи из хека. На душе сразу потеплело и захотелось любви и песен. Любить было некого, и они спели. Успешно. Соседи дружно аплодировали по батарее, и Нинон ответила им новым залпом из Ваенги!

Груди ее, стиснутые тугим лифчиком и полуприкрытые цветастым халатом, вздрагивали, когда она жадно хватала воздух. Отбивая ложкой по столу в такт любимой мелодии, Айседора подхватывала гласные и выдыхала их с трескучим звуком голодной саранчи. Допев, они выпивали и снова затягивали до дурноты надоевший шлягер с двумя гениальными строками в припеве: «А вокруг тишина, взятая за основу...»

Под конец банкета решено было, что петь Нинон будет, и даже неважно, в чем и что. Главное – как!

Позвонить Слонову хотелось немедленно. Спеть, поразить и застолбить место в «раю»! Но, к счастью, телефон его был недоступен. Случись теперь разговор под хмельком, неизвестно как бы сложилась певческая карьера Нинон Шербет. А пока у нее был шанс прославиться, пусть и попав в

избранные через тайную дверку.

Дозвонилась Айседора на следующий день. Номер был секретным. Только для своих, а пароль «Влад Лошанский» гарантированно пропускал Нинон на первый уровень. Но лично присутствовать все равно придется, таковы правила игры. «Конечно, конечно... Придем и споем... Все, как полагается». Неудержимая радость звучала внутри высоким регистром. Дора, не мешкая, сообщила Нинон и день, и час Икс.

В назначенное время обе были на месте.

У крытого манежа – полицейское оцепление. Пестрая очередь, в самом начале – плотная как ртуть, в хвосте – почти рассеивается, скрываясь за поворотом. Раздувая паруса рекламных простыней, ветер воет грозным крещендо. Меченые логотипом конкурса флаги шумно бьют белыми крыльями. Вдоль ограждения шныряют странные личности, предлагая проспавшим рывок вперед на сто, а то и на триста позиций. У них тут бизнес. Неизменный денежный интерес.

Айседора набирает Слонова, и через несколько минут к ним в условленное место – под третий флаг – из толпы выныривает длинный парень в дредах. Ловко удерживая плечом телефон возле уха, он продолжает говорить. В руках бейдж на шнурке. Он пытается накинуть его на Дору, но та машет рукой – не я! Парню безразлично. Он вешает карточку с надписью «Проснись и Пой. Администрация» на шею Нинон и тянет ее за собой. Через минуту их проглатывает толпа.

Все, что остается Доре, – ждать. Кафе поблизости спасает от неминуемой простуды. Тепло, уютно, пахнет ванилью. Улыбчивая официантка. Чай с чабрецом обжигает. А те, за окном, похоже, совсем не берегут своих глоток. Да и зачем их беречь, если ты юрист, хирург, банковский клерк или чокнутый певун с Ютуба? Очереди, очереди...

Никто не придет и ничего не даст просто так. Желающих много, и побеждает не тот, кто тихо мечтает, а тот, кто действует.

Глава пятая

Казалось, щедушный Слонов, получил свою фамилию в насмешку. Возможно, его далекий предок и походил на титана саванны, но постепенно родня выродилась в почти что пигмеев. Генеральный продюсер был мал ростом, словно его еще в детстве прибило деревянным ростомером: блестящий череп сверху изрядно приплюснут, зато затылок костист и могуч. Лицо гладко выбритое, без наждака модной щетины. Губы притягивали женственной красотой – четкой волной верхней и детской припухлостью нижней. Рот, созданный для поцелуев, – девичья мечта.

Слонов сидел в центре. За небольшим столом, справа и слева, пристроились еще двое из отборочной команды: немолодая женщина с усталым взглядом, который прятала за дымчатыми каплями очков, и слащавый вылизанный тип с «помпадуром» на голове.

Проводник в дредах позвал Нину в комнату, а сам по-кошачьи подкрался к Слонову со спины и что-то шепнул на ухо. Тот коротко кивнул и сделал жест, приглашающий претендентку на середину воображаемой сцены.

Она вышла.

– Нинон Шербет.

Слащавый откинулся в кресле, скрестив руки на животе. С нескрываемым интересом уставился на центнер, затянутый снизу в джинсы, а сверху упакованный в коротковатую толстовку с капюшоном.

– Вам сколько лет? – уточнил, скривив краешек рта.

– Тридцать семь. Мало? – ответила дерзко. Откинула упавшие на лицо пряди. Взглянула на головастого босса, как обожгла. Решила, что петь будет для него, а остальных будто и нет.

– Прошу вас, – мягко картавя, предложил Слонов, сразу расположив к себе строптивную конкурсантку. – Что будете исполнять? – добавил, разглядывая ее с интересом – цепкий взгляд из-под густых бровей.

Обычно резкая, не знавшая смущения Нинка потупилась. Одернула толстовку. Да уж что ей прикроешь...

Опустила голову. Густые пряди снова занавесили глаза. Пальцы в замок, руки опущены. Нет. Не волновалась. Просто не знала, куда их деть. Размахивать сейчас не к месту. Не та песня...

«Ой, да не вечер, да не вечер...»

Начала робко, словно двигаясь на ощупь. Так где-то в глубине земли зарождается родник, несет воды по глухим подземным коридорам и вдруг вырывается к свету. Звонкий, чистый. Льется, не уставая, превращаясь в реку. Широкою, неудержимую, мощную... Пела легко, раскатисто: «Ой, пропадет, он говорит, твоя буйна голова...»

И вдруг голос стал тихим, невыносимо щемящим, нежным вроде мать над колыбелью баюкает дитя – любимое, желанное...

Слонов прикрыл рукой намокшие ресницы. Ему было неловко за внезапную сентиментальность. Сколько прошло мимо его ушей претендентов всех мастей и голосов... Да как же так! Он резко поднялся и вышел из комнаты.

Растерянная Нинка смотрела в проем распахнутой двери. Она ждала вердикта.

Оставшиеся двое переглянулись, коротко пошептались.
– Можете идти. Мы вам позвоним, – женщина приподняла очки, возможно, желая лучше рассмотреть обладательницу слезных чар.

Нинка простилась и вышла. Вернее выбежала, яростно проталкиваясь сквозь толпу. Она уже жалела, что поддалась на уговоры и приперлась в этот балаган тщеславия и зависти.

Дора доедала второе пирожное, когда в кафе появилась Нинон. Намокшая – как всегда забыла зонт! – потерянная...

– Выпью, замерзла, – чашка с чаем зажата в руках, бледные пальцы не ощущают жара.

– Пей, конечно, я сейчас еще закажу. Как? Как прошло?

Что Слонов сказал?

Нинка немного успокоилась, согрелась. Опустила чашку.

– Я спела. Но никто ничего не сказал. А Слонов твой вообще ушел...

– Ушел? – недоверчиво переспросила.

– А что ты пела?

– Да не стала я Ваенгу... Я русскую спела – «Ой, да не вечер»...

– И что?

– Сказали, перезвонят.

– Странно... Мы ж вне конкурса шли... Может мне набрать Слонову? Пусть скажут, что там по тебе решили. Берут или что... – Дора наливает из чайника в чашку и заботливо подвигает к Нинке пирожное. – Поешь сладенького, полегчает.

Нарядное пирожное – в розовой мастике, с клубничной шапкой, приторное и вредное – пропадает в считанные секунды. Нинка запивает его чаем, и взгляд ее светлеет.

– Хорошо, что ту хламиду не купили. Хотя денег жалко... Я, пожалуй, попою в «Шахерезаде». Мне Таризэл обещал три за вечер и чаевые, – она скребет пустое блюдце. На ложке остается розоватый след мастики.

– Какая «Шахерезада»! Ты в уме, нет?! – возмущенно и даже зло протестует Дора. В руках ее телефон. – Я звоню Слонову!

– Звони, – безразлично машет головой.

Очередь за окном не становится меньше. Кажется, что она приросла хвостом еще на сотню метров. Тонким, безнадежным...

Дора тараторит в трубку. Губы резво шевелятся, но Нинка не может разобрать слов. Уши ее прикрыты ладонями, локти на столе, а взгляд через голову – за стекло. В темную очередь.

«Слонов, Слонов! – спустя несколько секунд энергично шепчет Дора, делая ужасные гримасы. – Тебя хочет! Поговори!»

Она берет трубку молча слушает. На лице ни единого знака, чтобы определить настроение. Наконец Нинка бросает краткое «да» и возвращает телефон.

– Что? Что сказал?

– Сказал, что поражен... Что пела я не связками. Душой пела... И вообще – меня берут... – шепчет, пугаясь собственных слов, и закрывает лицо руками. Под ладонями непонятно, смеется она или плачет от радости.

– Аааа! – приподнявшись, Дора тянется через стол, отнимает руки. Нинка корчит ей забавную рожицу и обе хохочут. Ах, какая теперь жизнь начнется! Какая жизнь! Нужно срочно покупать платье! То, пепельное...

В магазин отправились немедленно. Стеллажи и полки обшарили с тщательностью опергруппы, выехавшей на место преступления, но, увы, тщетно. Подруги заглянули и в детский, и в мужской отделы. Проверили корзины для белья,

обследовали эмалированные ведра, рюкзаки – пусто.

Уставшая, отчаявшаяся отыскать свой концертный наряд Нинон плюхнулась на банкетку возле полок с обувью, стянула с ноги кроссовок и попыталась сунуть отекающую ногу в сплетенную из тонких замшевых ремешков босоножку. Надела другую, потопталась возле напольного зеркала.

– Возьму хоть босоножки. А то на мой сороковой опухший ничего приличного не найти.

Пока стояли в очереди у кассы, Дора осматривалась по сторонам, уже не пытаясь отыскать заветное платье, а просто из любопытства. Взгляд упал на металлическую корзину, туда Нинка бросила его неделю назад. Это невозможно! Но именно так – из емкости, до края наполненной разноцветными пачками, торчал пепельный хвостик ткани. Платье лежало на самом дне, погребенное под грудой носков.

Дора откопала его и с радостью крымского археолога, доставшего из кургана золотую пектораль, вручила подруге. Расплачивалась сама – пусть будет подарком и талисманом. Невероятно счастливая, несла пакет с обновой, вслух фантазируя, как прекрасно будет петься в ее подарке Нинон, и как все повернутся к ней, и зал взревет от восторгов и обожания.

«Сказочница», – был ей ответ.

Самой Нинке затея с шоу не то чтобы не нравилась – удивляла. Как легко, оказывается, без «волшебной палочки», а всего лишь при помощи телефонного «заклинания», можно попасть на сцене самого популярного телевизионного про-

екта, если у тебя заботливая подруга. Ей до сих пор не верилось, что так просто. Совсем скоро страна увидит, страна оценит. И неважно, что платье дешевое и копеечные босоножки куплены на распродаже, главное – Голос.

Очередной отпуск оформила без проблем. Раскрывать планы не хотела. Не отпустили бы – уволилась. Но какая-то тревожная нота не переставала звучать во всей этой сказочной суете.

Последние несколько дней перед отъездом Нинка спала плохо. Прокручивала в голове каждый жест, каждый шаг. Как поклонится, что скажет. Вот и эта ночь, уже дошедшая до середины, была бессонной. Окна напротив давно погасли. Дома, деревья, улицы – все погрузилось в сонный осенний морок.

Нинка сидела над раскрытым ноутбуком. Генеральный продюсер Слонов смотрел на нее с многочисленных фото. Вот он – счастливый, расслабленный – в Ницце: уличное кафе, пальмы, шампанское. Вот деловой – на съемках. Вот на велосипеде в Карловых Варах... Патио в Монтекатини – пьет минеральную воду из стаканчика... А вот рядом с Давидом во Флоренции... Она листала Инстаграм, пытаясь отыскать хоть одну с женой, семьей, детьми. И опять возвращалась к той – первой, где Ницца, пальмы, море с яхтами и его влюбленный взгляд, устремленный на нее.

Кто же та, что не попала в кадр? Та, что запечатлела этот мимолетный луч счастья коснувшийся серых глаз? А может,

и не та, а тот...

Нинка потянулась, зевнула и захлопнула ноут. Сумка собрана, в ней все, что нужно для слепых прослушиваний – платье, туфли... А голос, голос всегда при ней. Внутри, под диафрагмой, в мехах ее необъятных легких и в платине ту-гих связок.

Кто-то надеется на удачу, на заговор или темную силу вуду. Нинка надеялась на себя и, конечно, на Слонова. Его авторитет победит всех магов и чародеев, и даже засланное, кому нужно, бабло. Слонов восхищен. А это значит – петь ей в команде одного из наставников.

Жалела она об одном – Айседоры не будет рядом. Не отпустили. Хотя ее поддержка дороже стократ, чем притворные ужимки двоюродной сестры с племянниками и женами. Их желание покрасоваться на экране в обмен на приют в малогабаритной трешке где-то за МКАДом она приняла. Пусть покажут сослуживцам и соседям, что не лыком шиты. Вот и родственница талант, и сами ничего себе – упитаны, ухожены, разряжены. А поцеловаться с ведущим – так и вообще мечта всех российских баб. Пусть родственники заглянут внутрь шоу. Ей не жалко.

Айседора вызвалась провожать.

В ночь отъезда долго стояли на перроне. Обе замерзли. Нинка достала из сумки плоскую фляжку, хлебнула дрянного обжигающего коньяку.

– Ты перед выступлением не сильно налегай... А то дис-

квалифицируют, – хихикнула Дора, и тоже приложила к металлическому горлу. – Смотри, чтоб не увидели. Смотри у меня! – шутливо погрозила пальцем.

Вдоль состава тянулись редкие пассажиры. Практически без багажа – налегке. Петербург – Москва. Ночной поезд. Многие на пару дней, а то и вечером – обратно. Проводница спустилась на перрон и темным стражем встала возле своего вагона. Нинке хотелось поскорее запрыгнуть в его теплое чрево, выпить чаю с коньячком. Расслабиться, выспаться. Но Дора не отпускала.

– Чтобы обратно на щите! Вот на том! – большим пальцем указала себе за спину, где на противоположной стороне перрона тускло поблескивал гладким рубиновым боком легендарный состав «Красной стрелы». – А мы уж тебя здесь встретим под музыку Глиэра. Нет, лучше под свою песню возвращайся. Короче, побеждай!

– Я тебе из Москвы привезу магнитик, – перебила и, снижая пафос, сгребла подругу в медвежьи объятия, приподняла, чмокнула в нос. – Знаешь, а Слонов ничего такой... Глаза хорошие. И весит, наверное, как ты.

– Да ладно! – Айседора взглянула с интересом, жаль, нет времени обсудить.

– Проходите в вагон. Скоро отправляемся!

Проводница в форменном синем пальто и лихо сдвинутом на затылок красном берете, строго взглянула на пассажирку, протянувшую ей билет и паспорт: «Ваше место тридцать

шесть. Доброго пути».

Нинка поднялась в тамбур и стояла там, посылая Доре воздушные поцелуи, пока поезд не тронулся.

Та помахала в ответ. Бросила сквозь скрежет коротко: «Ты – лучшая!»

Выставив перед собой объемную сумку, Нинон двигалась в конец вагона. Ее купе – возле сортира, и место верхнее. По поводу последнего она не переживала. Мало кто соглашался иметь у себя над головой угрозу в сто килограмм, потому попутчики охотно менялись с упитанной пассажиркой. И на этот раз все так и случилось. Спортивного вида бабушка в костюме «Найк» почти сразу сиганула на верхнюю полку и вскоре засвистела одной ноздрей в чутком сне.

Испив чаю из стакана в фирменном подстаканнике, конечно, незаметно плеснув туда коньячку, полуночица отошла ко сну, так и не разобрав, кто шевелится под одеялом на соседней койке – тощий унисекс в наушниках, ей не мешал – и ладно.

«Прощай, столица – здравствуй, столица!» – пропела беззвучно, сонно щурясь на стремительно пролетающие за окном пейзажи и, согретая теплом верблюжьего пледа снаружи и отвратного коньяка изнутри, вскоре сладко уснула.

Глава шестая

Пшёнкин сиял.

Возможно, так же сияли голенища его яловых сапог, ко-

гда он молоденьким лейтенантом маршировал по плацу одной из легендарных дивизий, весь в предвкушении побед и свершений на благо Родины и народа, и, кажется, партии... Впрочем, с тех пор партий развелось не меньше, чем сортов сыра в магазине возле его дома. Стать генералом не случилось. Часть расформировали. Пшёнкина сократили. Назначили обидную пенсию и забыли. Вертись, отставной майор Пшёнкин, как хочешь. Хочешь – в бизнес подавайся, хочешь – в прислуги нанимайся.

В бизнес пошел. Спиртом «Рояль» торговал на улице, как семечками. В Турцию за плюшевыми свитерами летал. Имел на рынках три точки сбыта джинсового ширпотреба. С бандюками и налоговой дружил. Поднялся. Уважаемым стал человеком. Открыл пару кафе-забегаловок у метро при собственных продуктовых лавках. Трудился, трудился... Копил, приобретал и вдруг...

Увлёкся игрой на деньги. Все, что заработал, спустил меньше, чем за год. Жена ни припрятать, ни доли своей вытребовать не успела. Квартира, машина, дача, бизнес – все прахом, все банк отжал. Остальное по мелочи бандиты подчистили. Собрала вещички Нюра Пшёнкина, плюнула на порог заложенной, уже чужой квартиры и прокляла Пшёнкина вместе с его «похером», как в гневе обзывала азартную игру в цветные картонки. Уехала Нюра. В Рязань уехала, к маме да к мальчишкам-близнецам поближе. Они в ту пору как раз командное училище заканчивали. Династию продолжить ре-

шили. Кто ж знал, что все обернется приставами и описью имущества. Но парни держались молодцом. Батю не прогнали, когда тот приехал каяться:

«Ничего нам не нужно. Все с нуля начнем, как вы с мамкой. Ты, главное, лечись. Сейчас все лечится».

Пшёнкин клялся звездами на погонах, офицерской честью и здоровьем своим, уже сильно подорванным флеш-ро-ляем, что покер с джокером исчезнут из их жизни как жуткий сон. Парни поверили, жена – нет. В ногах валялся – просил простить. Какое там! Не баба – гранит. Зыркнула исподлобья, словно бичом полоснула, – нет! На том и расстались.

Уехал тогда Пшёнкин. Было ему все равно куда, лишь бы подальше от цивилизованных игр. На Алтай подался. На горную пасеку забросил случай. Там прижился и несколько сезонов качал драгоценный мед. Таскал крылатого хариуса из ледяных озер, волков выслеживал. Там-то шаман с разноцветными лентами в бубне и выбил из Пшёнкина всю дурь покерную – как отрезало.

Правда, было это уже давненько. С тех пор Пшёнкин зажил новой жизнью. Кто б его теперь узнал. Усы, живот – котяра. Ленивый, сытый. От мускулистого поджарого тела ничего не осталось. Расползся, разбух за тихие годы, как квашня. Да не жалел, что заплатил такой мизерной ценою за спокойствие духа. О жене не вспоминал, а сыновья уже давно сами с женами и детьми. Не до него им.

Баба теперь с ним рядом была нешумная, незаметная.

Квартирку его съемную приберет, наготовит, нальет, спать уложит. Сама под бок: мягкая, теплая. В объятьях душит сладко. Что еще нужно. А надоест – так выгонит. Сердцем к ней не привязан. После жены никого не любил. Да и смешно уже. Лет столько, что о важном пора думать, о глобальном. О человечестве.

Лежал как-то Пшёнкин с Катериной под боком, в телевизор упершись, а там в новостях дикторша вещала. Пригожая, как Василиса Прекрасная из сказки: брови – зверьки пушистые, глаза – дурман-ягода, губы сочные. И из губ тех про думские дела – речи бойкие. Пшёнкин, конечно, не удержался. По всем мастям и властям прошелся словом задорным, забористым. Как страну любить и обустраивать, всех заочно научил и уже вроде успокоился, как вдруг тихая его Катерина голос подала из-под мышки: «Если такой умный, чего ж не в Думе, а на диване?»

Досталось тогда Катерине. Нет. Рук на женщин Пшёнкин отродясь не поднимал. С бабой махаться – себя не уважать. А вот словом припечатать мог. Брань командная от зубов отскакивала, вроде на плацу нерадивых первогодок чихвостил. Рассорились-разбежались с Катериной. А в голове-то засела мысль свербящей занозой. С тех пор уже год, как Пшёнкин Думу из головы выбить не мог. Все думал, думал, как бы ему в депутаты половчей проскользнуть. А уж там бы он законов насочинял, каких надо, чтобы всем радость и послабление. О народе пекся Пшёнкин самозабвенно и искренне. Во вся-

ком случае, ему так казалось. Счастье народное виделось отставному майору-охраннику в повсеместной установке счетчиков на радиаторы центрального отопления. Эта предвыборная идея должна была непременно вынести Пшёнкина на Олимп власти. Но пока что и низовые выборы ему не удались. И вот он, шанс!

Пряча под моржовыми усами загадочную ухмылку, Пшёнкин листал телефонные контакты. Его записная книжка пополнилась еще одним. О! Это был не просто номер – это был пропуск в иную реальность.

Когда по бодрящему холодку, приминяя ранний липкий снег тяжелыми берцами, Пшёнкин спешил на службу, он и не догадывался, что через каких-нибудь пару часов станет помощником депутата Госдумы. Да, пусть пока на общественных началах. Но ведь и это – сказочное везение.

Грузно ступая по скользким мраморным ступеням в лужицах подтаявшего снега, Пшёнкин мысленно похвалил свои крепкие ботинки на «зимней резине»: такие не подведут, не то, что прежние армейские сапоги на скользкой коже – как конь на льду без подков.

Внутри его поджидал сменщик. Хороший мужик, тоже отставник, капитан пехотный. Как и положено, раскланялись, расписались в журнале и разошлись. В шесть утра еще тихо. Дом спит. Тут чтут законы, и даже шуметь начинают согласно нормативным документам. Вон и консьержки на месте нет. Ленивую девку взяли. Пшёнкина она отвратила сра-

зу. Рожа наглая, сиськи дыбом, юбка короткая, а из-под юбки два мосла – и курит, курит. Не женщина – дымоход! Это пока можно, а как заселят башню, не очень-то на задний двор побегаешь перекуривать. То ли дело Айседора. С ней и поговорить, и помолчать в удовольствие. Добрая баба, уютная, еще и образованная. Но к ней не подкатишь. Тоже «принца» ждет. Э-эх!

С чашкой свежесваренного кофею охранник предавался неспешным мыслям в гостевом уголке: кожаный диванчик, кресла, красно-бурый столик из неслыханной парагвайской древесины. Не выговорить, язык сломаешь. На такой комплект ему работать до гробовой доски, и то не заработаешь.

Пшёнкин зычно зевает, блаженно потягивается, оставляя на столике чашку, встает, но сперва проверяет ладонью донышко – не намокло ли. Хозяйственный мужик, аккуратный. Армия приучила.

Вот уже и первые гости пожаловали. Рановато. Охранник глядит на ручной хронометр, потом снова через стекло. Восемь без каких-то копеек. Первый пост пропустил, видно – золотой карась плывет. Пшёнкин растирает лицо пятерней – прогоняет последнюю негу. Снежной их Королевы еще и рядом нет, а лахудра полчаса назад свинтила. Не его дело за начальство отдуваться, да видно придется.

Кортеж из трех машин неспешно движется от центральных ворот. В кармане оживает рация.

– Башня-башня? Я – крыша. Как слышно?

– Слышно хорошо.

– Принимай ш-ш-ш...

– Вот же ж, мля...

Пшёнкин сует шипящую рацию в нагрудный карман форменной куртки и, на ходу потирая занывшее колено, ковыляет к парадному входу.

За стеклом дворник Алибаба в малиновом комбинезоне монотонно скребет лопатой снежную жижу. Ему невдомек, что позади целый кортеж автомобилей. В его наушниках звучит таджикский рэп. Первое авто останавливается, за ним плавно встают и два остальных. Мотор не глушат, и он продолжает сыто урчать. Человек в черном костюме выскакивает из машины, сгребает в охапку не успевшего опомниться Алибабу и вместе с лопатой аккуратно переставляет с дороги на обочину. Так же стремительно запрыгивает обратно, и кортеж продолжает движение.

Пшёнкин наблюдает, как из запорошенного авто вылупляется Главный. Неспешно. Сперва ноги, обутые в щегольские туфли, слишком легкие, не по сезону, затем руки цепляются за металлические стойки, и вот он выносит солидный живот, а за ним голова в жестком ежике густых волос.

Мать честная! Шмырин! Народный избранник не первого созыва! Боец социального фронта! Член самой популярной партии! И попечитель. И утешитель всех малых и сирых, и прочих, и тому подобное...

И не карась вовсе, а просто рыба мечты! Пшёнкин нервно сглатывает, пятится в глубину холла. Лицо его багровеет от волнения, пальцы судорожно бегают вокруг взмокшей шеи, пытаясь ослабить воротник.

– Доброе утро, – завидев местного стража, первым приветствует его Шмырин и проплывает мимо в сопровождении двух молодцев напрямик к стойке рецепции, за которой никого нет!

Поняв, что там его не ждут, Шмырин оборачивается к застывшему неподалеку охраннику и жестом подзывает к себе:

– Одна маленькая собачка потерялась, – без предисловий начинает он. Жабьи глаза почти выпрыгивают из орбит, пугая Пшёнкина, и тот тут же тянется к рации: «Щас найдем!» – Не нужно, – останавливает Шмырин, рука его на миг касается кармана охранника и снова юркает в карман собственных брюк. – Это анекдот. Одна маленькая собачка потерялась, но ей не повезло. Ее приютила семья корейцев.

Окружение взрывается хохотом, а сам спикер, лишь кричит краешек рта.

– У меня тут randevu со Снежаной Сергеевной. Она в курсе?

Его одутловатое лицо совсем близко. От выбритых щек тянет горьковатым парфюмом.

– Видимо, да... – неуверенно отвечает Пшёнкин и, не зная, куда себя деть, топчется на месте, озирается – ни одной бабы не видно!

– Видимо, нет... – вслух соглашается с ним Шмырин. – Одну девочку в школе обзывали страшной, тупой и толстой. Она выросла и назло всем стала депутатом Госдумы.

Поправляя флажок на лацкане, раскатисто хохочет депутат, оба его помощника, и даже Пшёнкин трясется от смеха.

– Я вот тоже тут, – отсмеявшись, путано начинает он, но спешно вырывается на прямую, – в местный орган власти, значит, баллотировался... И программа у меня есть... Только денег нет на агитацию.

– А за что агитируете? Как вас звать-величать? Ага. Пшёнкин.

– За счетчики на батареях отопления. Чтобы, значит, каждый мог по желанию греться. А не принудительно.

– Счетчики, говорите. Но у нас и по счетчикам, и без – полстраны не платит. Так-то. А вот активная жизненная позиция – это хорошо! На таких людях равнодушных страна наша держится. И вы держитесь. Главное ведь – здоровье. Остальное не так важно. – Шмырин дружески хлопает по плечу растерянного Пшёнкина и вдруг прищуривается с хитринкой вождя мирового пролетариата.

– Вот вы какой партии симпатизируете?

– Той, что за народ, – отвечает без запинки и не промахивается.

– И правильно! – Шмырин протягивает руку, холеную, ногти – розовыми лепесточками.

Скрести по ней заскорузлой от мозолей ладонью Пшёнки-

ну стыдно. Он пожимает изящные депутатские пальцы.

– Наша партия всегда с народом. Скоро выборы. Вот вы бы могли организовать здесь, на месте, агитацию за нашу партию? Так, чтобы люди пришли и проголосовали?

– Так точно! – Уже держит взгляд, уже ловит каждое слово.

– Служили?

– Майор запаса.

– Нам такие люди нужны. Вот Сергей вам все объяснит, так сказать, определит дислокацию на карте событий. – Шмырин кивает в сторону молодого лысеющего партийца с безжизненным лицом манекена. – Сергей, оставь координаты нашему новому помощнику. Надеюсь на ваш округ. И лично на вас, дорогой Пшёнкин. А вот и Снежана Сергеевна, я полагаю.

Мучительно бледная и прекрасная, с блестками снега на волосах, упакованная в футляр строгого костюма, Королева Башни стремительно пересекает холл – сливочная соболья шубка небрежно сброшена на руки спешащей следом Айседоры.

– Извините. Пробки, – ни тени улыбки на лице, в глазах синий лед. – Пройдемте!

Все отправляются к лифту, и как только процессия исчезает в его кабине, уносимая на головокружительный этаж, Пшёнкин хватает телефон.

«Шмырин» – вводит он в поисковую строку и, быстро

пробежав по странице Википедии, удивленно хмыкает. «Надо же, – бормочет, энергично потирая бугристый затылок, – ошибся с партией... Да и один бес! Людей не едят – и ладно».

Глава седьмая

С недавних пор в жизни Доры стали происходить странные вещи. Уже третью смену на столике дежурного «будуара» она находила внезапные подарки. Все началось с клубники. Потом был пакетик чипсов, и вот сегодня – пирожные из Елисейского. Поначалу ее совсем не тревожило то обстоятельство, что и сменщица, и охранник, дежуривший с ней в паре, открещивались – мол, нет, не мое. В то, что Люся ничего этого не забывала, она поверила сразу. Деваха ушлая, своего не отдаст, да и чужого не упустит. А тут упорно твердила – не мое! Раз ничье, то приятного аппетита тебе, Дора.

Подозревать Пшёнкина в гастрономических комплиментах казалось самым верным. Флиртовал он неумело, грубо, одним словом, майор, пикапу не обучен. Вот только последнее время он и говорил с ней редко. Все больше сидит в своем закутке нахохленный. В смартфон уткнется, изучает что-то – лоб морщит, губами шевелит, кофейку попить не дозовешься. Две смены Дора недоумевала, на третью не выдержала: подошла тихо и в экран заглянула, а там – таблицы какие-то, графики, диаграммы. Не похоже совсем на Пшёнкина.

Дора присела на подлокотник кресла, а Пшёнкин и тут не

встрепенулся, не оценил ее любознательного порыва.

– Вот думаю, чем это ты все занят, – начала елейно. Пытаюсь рассмотреть картинку, наклонилась так близко, что мягкий надушенный завиток скользнул по щеке охранника. Случись этакий откровенный пассаж неделю назад, не спасовал бы майор, а теперь и глаз не поднял от дисплея. – Думала, приколы на Ютубе смотришь или анекдоты штудируешь. А ты, значит, статистикой увлекся.

Соблазнять Пшёнкина ей не хотелось. Узнавать причину, по которой тот не выпускает телефона из рук, тоже было неинтересно. Ей не давала покоя прозрачная коробочка, которую она обнаружила сегодня с утра.

Этот последний сюрприз оказался самым изысканным и дорогим – уж она-то знала! Накануне именно таким любовалась в кондитерской на Невском. Похожее на карусель пирожное состояло из двух розовых миндальных коржей, увенчаных флажком из марципана, а вместо лошадок по кругу – зернистые малинки на подложке из бледно-розового суфле. Стояла – слюну сглатывала. Купить себе не позволила – дорого. Когда утром увидела – глазам не поверила. Будто добрый волшебник прочел ее мысли. Но не Пшёнкин же этот волшебник. Полтысячи за пару пирожных – это просто dolce vita какая то, вряд ли он. Но все же решила проверить.

– Это ты пирожные принес? – спросила напрямик, вдруг признается.

– Какие пирожные! Сюда глянь! – Пшёнкин сует ей под

нос мобильный – на экране рыхлое лицо немолодого мужчины. Взгляд тяжел и влажен. Родиться от такого девочкой – трагедия. – Узнаешь?

Дора вскидывает брови – морщинки четче разлиновывают ее лоб. Она пытается припомнить, где видела этого типа. Вроде знакомый. Точно.

– Недавно был здесь, квартиру смотрел. Купил, что ли?

– Купил. Но не себе, сыну.

«Хорошо, что у него сын», – мимолетная мысль радует Дору. И то, что Пшёнкин – не ее волшебник – тоже радует. А может, волшебница – Снежана Сергеевна? Выписала им сладкую премию за ударный труд...

– Это же Шмырин Викентий Викентьевич! – лицо Пшёнкина озаряется немимым восторгом, непонятным и прежде незамеченным. – Депутат Госдумы!

– Он депутат, а ты-то чего такой счастливый? – бросает безразлично и, отдирая прилипшую к задку юбку из дешевого полиэстера, уходит, оставляя майора наедине с внезапно обретенным кумиром.

– Я теперь его помощник! – летит ей вслед, но Дора уже ближе к пирожным, чем к Пшёнкину, потому остается глуха к его радости.

Когда зубы пожирательницы быстрых углеводов влажно сверкнули, намереваясь оттяпать от второго пирожного приличный кусочек, в дверях появился точеный силуэт Снежаны Сергеевны. Ничего не оставалось, как шумно сглотнуть

и вернуть сладкую «карусель» в коробочку.

Дора смущенно улыbnулась и, приложив салфетку к губам, вскочила, стыдясь своего порыва съесть все и сразу, даже не запивая чаем.

– Спасибо, Снежана Сергеевна. Очень вкусно, – гнусавя сквозь салфетку, поблагодарила она и бросила на стол перепачканный кремом и помадой белый комочек.

Королева попыталась нахмуриться, но каркас ботокса с недавних пор сковывал мимику. Недовольство приходилось выражать испепеляющим взглядом, от которого и сама Горгона Медуза окаменела бы.

Напуганная Дора дернулась, чтобы проскочить мимо начальницы на рабочее место, но та преградила ей путь.

– Для приема пищи есть установленное время, – окатила ледяным презрением и ткнула алым заточенным ногтем в бумажку на стене. – Расписание для кого висит?

– Я подумала, что вы нас угостили, – растерянно промямлила сладстена, отступая на шаг и, заикаясь, добавила, – разве не вы принесли п-пирожные?

Королева взглянула на стол, подошла и брезгливо тронула ложкой кондитерский шедевр.

– Если я начну угощать подчиненных пирожными, то следующий мой шаг – пить с ними чай, расспрашивать о детях и входить в их положение. Вы, Дора, нарушаете правила, значит, не дорожите местом. Еще одно замечание – и я найду вам замену.

Настроение было испорчено на сутки. Она даже спала неполглаза, а утром не могла дожидаться сменщицы. С Пшёнкиным не попрощалась. Вылетела на улицу, будто от пожара спасалась. Не помнила, как добралась до дому. Рухнула в постель и проспала до обеда в цветных кошмарах, где главная злодейка Снежана Сергеевна пытала ее пирожными, заставляя съесть все, что выставлено в витринах Елисейевского магазина.

Женщина слабая и чувствительная не только к обстоятельствам, но и к предметам, Айседора все же прихватила с собой кондитерское чудо – не пропадать же вкуснейшим калориям! «Пусть Снежана засохнет на своих диетах!» – незлобно пожелала Дора начальнице, вытаскивая из холодильника миндального виновника ее вчерашних огорчений. С чашечкой обжигающего латте она присела к столу, закинув ногу на ногу, отчего полочки халатика разлетелись, оголив белую сдобную коленку. Не переставая думать о таинственном дарителе, достала из декольте упавшую с ложки малинку, положила на язык и счастливо зажмурилась, Ах, как бы ей хотелось, чтобы тайным поклонником оказался тот мускулистый самец из охраны! С тех пор, как он одарил ее неожиданным комплиментом, Дора ждала встречи. Но время шло, а красавец с клеймом на бычьей шее так больше ни разу и не появился в их башне. Ее подмывало спросить у Снежаны Сергеевны о судьбе квартиры, что смотрел инвалид – как там его назвал Пшёнкин? – кажется, «личинка в шляпе». Только

теперь, когда ей дали понять, где ее место, об этом и речи быть не могло.

Дора открыла ноут. Нинка писала, что у нее все хорошо. Родственники к ней благосклонны. Показывают Москву и вместе с ней ждут эфира, который состоится через неделю. И чтобы Дора держала за нее кулаки, плевала через плечо, молилась всем богам и громко подпевала возле экрана, когда она выйдет на сцену.

Отмеченное грустным смайликом сообщение свалилось совсем недавно: «Два раза была в Останкино. Слонова не встретила».

Похоже, Нинон влюбилась. Пусть хоть у нее все сложится. Интересно, а Слонов женат? Проверить это в век тотального интернета не составляло труда, и Дора полезла в поисковик выяснять интересующее обстоятельство. Ничего о семье так и не нашла, зато фотографий загрузилось – не пересмотреть.

И что она в нем нашла? Неказистый: головастый, ростом с наперсток. Зато девки вокруг – частоколом. Во взгляде неизбежная печаль, будто он – не генеральный продюсер, а безработный клерк с валютной ипотекой. Оценить выбор подружки Дора так и не смогла. Ее идеал – мустанг с глазами темнее персидской ночи, с шепотом жарких губ, с объятьями, в которых задохнешься от счастья. Мужчина должен носить на руках, а такого, как Слонов, хочется самой приглубить, уж больно маленький и несчастный. Но Нинка справится. Главное, чтобы не задавила своей любовью.

Оба выходных Дора бездельничала: спала, ела, читала и шаталась по магазинам в поисках пуховика. Ее старый рас-терял начинку еще два сезона назад. Таскать из него пухо-во-перьевые занозы порядком надоело. Да и нынешняя рабо-та обязывала выглядеть прилично. Отчаявшись найти под-ходящее из недорогого, Дора все же отважилась заглянуть в бутики. Конечно, о том, чтобы приобрести там что-то, и мысли не было – так, поглазеть. Тем более в сезон распро-даж. Не выгонят же ее оттуда.

В первом же магазине ее встретили приветливо, невзирая на немодное пальтишко из дешевого драпа и тускло сияю-щие сапожки из дерматина, которые для форсу производителе-ли нарекли эколожей. Даже охранник в строгом черном ко-стюме, похожий на голливудскую звезду, был с ней любезен. Стекающие с зонтика на вычурный мозаичный пол капли ни-кого не смутили, и девушка-консультант тут же взяла в обо-рот заглянувшую нищевродку. А вдруг у нее, как у героини какого-нибудь фильма, карманы набиты валютой. Но карма-ны Доры были пусты – кроме жетона метро, в них ничего не было.

Все-таки не всегда стоит клевать на наживку «sale», ино-гда можно подавиться нулями.

Дора старалась не смотреть на цены, одного раза было до-статочно, чтобы понять: ты здесь лишняя. Это какая-то дру-гая жизнь, где можно позволить себе курточку по цене од-нушки в Девяткино. Примерить что-то крупное она не ре-

шила, но, чтобы не впасть в депрессию от собственного ничтожества, отважилась натянуть на руки нежно-сиреневые перчатки, невероятно мягкие и столь же дорогие. Тридцать тысяч. Сама по себе цифра не очень и страшная, даже приятная, если выдает тебе ее кассир в день зарплаты. А вот если ее нужно отдать за аксессуар, вместо которого можно просто согреть руки в карманах... Дора стянула перчатки. На вопросительный взгляд ответила: «Подумаю». Что тут думать! Бежать из буржуйского лабаза, не оглядываясь, чтобы не заработать себе столь модный среди мыслящей публики когнитивный диссонанс! Но Дора собралась и представила, что непременно зайдет сюда еще не раз – и не в сезон скидок. А вот та курточка из кожи техасского аллигатора непременно будет в ее гардеробе!

– Пшёнкин, салют! – приветливо бросила в сторону охранника отдохнувшая за выходные, сияющая румянцем Дора и напрямиком отправилась в свой «будуар».

Бумажный черный пакет стоял на столе. Стягивая пальто, она не сводила с него глаз. – Пшёнкин! – кликнула из дверей. – Подойди!

– Что звала? – спросил, застыв в проеме.

Она кивнула на подозрительный пакет.

– Люськин?

– Не знаю. Я после нее не заходил.

Согласно инструкции, обо всех подозрительных находках

полагалось сообщать начальству, и уж оно решало – вызывать МЧС или самим любопытничать, что внутри. По телефону быстро выяснили, что не Люсин.

Майор выставил Дору за дверь. Приказал отойти подальше, а сам черенком отобранной у Алибибы метелки героически ткнул пакет – вроде обошлось. Тогда, затаив дыхание, он приблизился к объекту и заглянул внутрь.

Через минуту, сжимая в руке пару сиреневых перчаток из шелковой кожи ягненка, Пшёнкин появился в холле.

– Дай-ка мне руку! – зловеще произнес он, и сердце Доры вмиг сжало тисками восторга и ужаса, словно это была не пара перчаток, а «черная метка» от слепого Пью.

Ноги ее подкосились, и обмякшее тело рухнуло в кресло.

Глава восьмая

– Закрывай глаза, – мужчина чмокает девочку в щеку, прохладную и влажную после вечернего умывания. В кровати рядом – белый медведь, настолько огромный, что занимает места больше, чем сама хозяйка игрушки. – Закрывай, закрывай. А я расскажу тебе сказку.

– Неть! – девчушка открывает уже сомкнутые веки и не найдя в темноте собеседника, тянет к нему руку. Маленькая ладошка нащупывает горячую и сильную. – Я сама.

– Что сама?

– Сама расскажу сказку.

– Хорошо, – мужчина целует детскую ручку с той нежно-

стью, которая переполняет зрелых отцов долгожданных дочек. – Рассказывай.

– Жил-был сухарик, – начинает таинственным шепотом и поворачивается на бок, лицом к слушателю, устроившемуся рядом на детском стульчике.

– Сухарик?! – ласково переспрашивает он, поправляя сползшее на пол одеяльце.

– Да. Жил-был сухарик. Не перебивай меня, папочка.

– Хорошо-хорошо... – отец устало дремлет.

– Жил был сухарик, – сладко позевывая, начинает снова. – Сначала он был хлебом. А когда упал за буфет и пролежал там день, – тут девочка замолкает, кажется, что сон сморил ее еще в начале сказки. Мужчина приоткрывает глаз. Но нет, она высвобождает руку, чтобы крепко обнять медведя и, уткнувшись в него носом, продолжает, – пролежал он за буфетом день. Нет. Год. А когда засох, встретил... – она снова ворочается, поудобнее устраиваясь в кровати. – А когда засох, встретил мышонка.

Отец слушает молча, лишь счастливая улыбка блуждает на губах.

– С мышонком они подружились. И по ночам гремели на кухне. Это они в кастрюлях катались. Наперегонки. А хозяйка думали, что это полтергейст.

– Полтергейст?! – удивление заставило слушателя открыть оба глаза. – Это кто тебя научил? Может, домовенок?

– Нет. Полтергейст. Домовенки в деревне живут. В дере-

вянных домах. А у них дом каменный. В нем полтергейст. Это мне мама сказала.

– Понятно.

– Слушай дальше. У мышонка были мама с папой, и они захотели узнать, где он по ночам шляется.

– По ночам шляется? Это тоже мамины слова?

– Нет. Это когда мамы долго нет, няня говорит: «Где твоя мать по ночам шляется?» Дальше слушай. Вот они ночью подсмотрели за сыном своим мышиным и сухариком. А потом решили, что съедят сухарика. Но ведь друзей есть невозможно и отвратительно! Тогда мышка побежал сухарика спасать и помог ему выбраться из дома. Он его... Он его... На улицу вывел. Через свою норку. А на улице злой голубь больно клюнул сухарика... Но рыжий кот прогнал... голубя... А кота соба... чка... а...

– А что дальше? – тихо прошелестел отец, стараясь не спугнуть наплывающий на девочку сон.

– А дальше зав... тра...

Мужчина бесшумно поднялся, аккуратно, чтобы не разбудить дочку, забрал медведя из кровати и, положив в корзину к остальным игрушечным приятелям, вышел из комнаты.

Сергей Борисович – так звали счастливого отца Софьи. Это невероятно трогательное создание появилось в его жизни неожиданно и недавно. С ее матерью свела их мимолетная встреча. Внезапный угар пьяной страсти, безумной и без-

думной. Когда не рассудок управляет телом, а инстинкт, не оправданный ни любовью, ни нежностью. Сошлись и разбежались вроде скотины в период гона. Он даже не помнил, где и когда. Каково же было узнать Сергею Борисовичу на пятом десятке, имея в анамнезе стерильность, что он отец. Автор и творец новой жизни. Вот так сошлись звезды.

Просто принять и поверить, глядя на складненькую красивую девочку, не удавалось. Все-таки он был склонен доверять врачам. Да и ни одна из его прежних подруг не зачала от него ребенка, – и вдруг? Допустим. И все же Сергей Борисович сильно сомневался, рассматривая фото дочки и матери. Пусть немного, но детка должна походить на отца. А тут – никакой зацепочки. Даже с матерью сходство неясное. Разве носик-пипочка. Да в пять лет у всех «пипочки». А у родительницы, небось, и переделанный. Не похожа на него дочка. Будто он и не участвовал, а так, наблюдал издали. Но настырная дама настаивала, что его, и Сергей Борисович согласился назначить ей содержание без всяких позорных экспертиз и шельмования в СМИ и на телевидении.

В эту самую пору занесло его на Урал, откуда родом были покойные родители, и где до сих пор проживала родная тетка, женщина хоть и не набожная, но прозорливая. Та сразу поняла, что племянника гложет тоска-забота, а вот имя ее узнать удалось не сразу. Но все же Сергей Борисович открылся. Тетка ему – единственная кровная родня, ее взгляд не обмануть. Лучше всяких экспертиз. Еще в детстве пооббе-

щала родителям, что сын их станет богаче директора овощной базы. А уж на то время не было в их городе состоятельнее человека. Так и случилось. Вот только родители не дожили.

Взглянула тетка на карточку после признаний племянника и молча в закрома полезла. Извлекла из ящика румынской стенки потертый альбом. Недолго искала. Скоро пробежала по страницам, высматривая нужную карточку. Нашла.

– Смотри сюда, – сунула ее под нос загрустившему племяннику. – Это кто?

Сергей Борисович обзрел пожелтевший снимок с примятыми уголками.

– Нет. Не знаю. Кто это?

– Это твоя тетка Тася. Умерла в семь лет. Дифтерия.

Следующая фотография, выдернутая из «уголков», уже на подходе. Она на миг застревает в руках родственницы и тут же отправляется к Сергею Борисовичу.

– А это я у прадеда твоего, значит, нашего деда Феди в деревне. Вот лошадка его. Как сейчас помню – Стрелка. Рыжая. Добрая. Дед нас катал по очереди. Ух, мне как нравилось. А мать твоя вопила со страху. Но она, правда, и самая младшая среди нас была. Узнаешь? Правильно. Мамка твоя. А вот это я.

– А это кто? – с очередного снимка на него смотрела удивительно похожая на Софью девочка.

– Это Куся. Еще одна твоя... Да уж ладно, раз такое дело...

Тетка положила рядом на стол обе карточки – Софьи и Куси. Недоумение отразилось на лице Сергея Борисовича. Он ждал объяснений. И тут услышал то, чего никак не ожидал.

– И отец твой, кривоногий Бориска, пусть меня простит, и Тamarочка. Расскажу как есть. Тем более, тут такое дело. Ребенок образовался нечаянно. Значит и ты правду знать должен, раз корешок у нас один. Мамка она твоя. Викуся. Папаша твой сподличал, ирод сероглазый. Ну а Тамара простила. Тебя прямо с пеленок воспитывала. Викуся как родила, так и убежала-сгинула. Тамара-то все знала. А раз уж грех случился, приняла тебя как своего. А сама так и не родила.

От такого расклада совсем тошно сделалось Сергею Борисовичу. На силу его успокоила тетушка. Но, как ни странно, вселила уверенность, что в девочке и правда есть его частичка хромосомная. А про семейную тайну он старался не думать. Может и жива мать, но сердце молчало – не дрогнуло, не захотело отыскать. Когда с двумя невероятными открытиями он вернулся в Москву, то непременно захотел увидеть дочь. Он созвонился с ее матерью и назначил встречу в тихом загородном ресторанчике из тех, что не пользуются сиюминутной славой пафосного места, но имеют приличную кухню и непродажный персонал.

Сабрина – для жительницы Сызрани пошлее имени не сыщешь! – подкатила к самому входу на новеньком «Порше». Ну да, на чем же еще может подкатить девушка из провин-

ции, неплохо устроившаяся в столице! Сам Сергей Борисович довольствовался трехлетним народным автомобилем по кличке Тигуан. Его он оставил на стоянке, а до ресторана прошелся по песчаной дороге, вдыхая хвойный зной соснового бора.

У панорамного окна он потягивал фреш, когда нарисовалось его страстное недоразумение. Вульгарное хищное существо с замашками светской – нет, не львицы! – курицы, обезьяны, овцы. Только не львицы!

Как же нужно было напиться, чтобы стать отцом ее ребенка! Теперь эта женщина сидела напротив, и Сергей Борисович не мог вспомнить ее, как ни пытался. Все прежние разговоры он вел с ней через личного адвоката. Только пару раз созванивался, выясняя интересующие его обстоятельства. Сегодняшняя встреча была первой, вернее, второй.

– Привет! – Сабрина небрежно кинула на столик клатч и тут же закурила. – Зачем звал? – спросила дерзко, будто только вчера они расстались любовниками.

Вперив липкий взор в переносицу Сергея Борисовича, она рассчитывала на успех. Но тот отвел взгляд от самодовольной самки с губами в пол-лица и самомнением выше Эйфелевой башни. Сергей Борисович не спешил. Он взвешивал каждое слово.

Пустой в это раннее время ресторан, если не считать парочки милых старичков, устроившихся на веранде, был именно тем место, где можно обсудить все без помех, ненуж-

ных ушей и фотовспышек. Застать генерального продюсера Слонова в компании неизвестной девицы – значит сделать ее знаменитой. А этого он хотел меньше всего.

– Вам достаточно той суммы, что я плачу ежемесячно?

Сабрина насторожилась. Рысьи глаза изумрудно сверкнули и еще больше сузились. Как опытная хищница, она выжидала молча. Уж если схватить, то наверняка. Не полевую мышь, а жирного кабанчика.

– Я прибавлю к той сумме еще пятьдесят процентов при условии, что Софья будет жить со мной.

Их глаза встретились в краткой дуэли.

– Хорошо. Но не пятьдесят, а сто. Увеличь сумму вдвое, и я отдам тебе Софью.

Нечто подобное Слонов и предполагал, собираясь на встречу. Опытный менеджер, он обдумал и цену за свою дочь, как бы страшно это ни звучало, и порядок оформления их соглашения. Комар носа не подточит. Нанятые им сыщики не зря потратили время, а он – деньги за их услуги. Вся подноготная гражданки Чумкиной Сабрины Петровны, зафиксированная в фото и видеоотчетах, лежала уже неделю на его столе. Плюс распечатки личных контактов в соцсетях и переговоры – веские аргументы, чтобы лишить ее прав матери. Сергей Борисович понимал, что действует незаконно, но с такой гадиной иначе нельзя. Слонов приберег весь компромат на крайний случай, и все же надеялся, что случай этот так и не произойдет. Ему не хотелось огласки. Он

оберегал не личный покой и не честь и достоинство чужой ему женщины. Он оберегал покой собственной дочери, беззащитной перед миром и в то же время доверявшей миру больше обычных людей.

Его дочь Софья была слепа.

Об этом он узнал не от матери – от детективов. Почему-то Сабрина не спешила сообщать отцу о болезни. Деньги ежемесячно капали на счет и тратились с удовольствием, хотя про Софью она все же не забывала: наняла ей приезжую дешевую и неопрятную няньку, с утра до вечера лузгавшую семечки перед экраном, а ночами принимавшую прямо в детской, где стояла ее кровать, смуглого парня с ближайшей стройки.

«Ребенок слепой – что день, что ночь – ему без разницы. А мы тихо», – оправдывалась она.

И когда хозяйка улетала на заграничные моря-океаны с очередным кандидатом в мужа, тихий строитель неделями спал под жарким нянькиным боком.

Все те мерзости, что творились возле ребенка, Сергей Борисович глядеть не стал. Хватило сказки на ночь при полной иллюминации, рассказанной под скрип кровати.

Свиньи! Сергей Борисович готов был собственноручно придушить каждого. Но адвокат убедил его мирно выкупить ребенка, а после он придумает, как лишить мать всех прав без скандала и в рамках законодательства. На том и сошлись.

Вскоре все бумаги были подписаны, и Сергей Борисович

обнял свою детку. Что он при этом чувствовал? Трепет. Трепетало в груди сердце, трепетали руки, обнимавшие худые плечики, трепетала душа – не от страха, от нежности, когда девочка, знакомясь, ощупывала его легкими пальчиками, точно бабочки касались лица. В тот самый миг он пообещал себе, что Софья увидит мир не руками – глазами.

Он сделает для этого все возможное и невозможное.

Глава девятая

Осеннее солнце снова баловало столицу, если не теплом, так светом, отчего петь Нинке хотелось с самого утра. Но пока обитатели квартиры, приютившие ее на своих смешных квадратных метрах, не расходились по делам и работам, мисс «Проснись и пой» держала рот на замке. Многочисленная семья ее двоюродной сестры Аси, жившей без мужа, но с двумя невестками, сыновьями и внуками в трех крошечных комнатах, поначалу приняла ее, как Юрия Гагарина после знаменитого полета: у самого перрона с цветами, аплодисментами, а дальше – роскошным застольем и наградой в виде отдельной комнаты. С тем, что нужно на время уплотниться, родственники кое-как смирились. Ведь впереди маячило супершоу: софиты, крупные планы, интервью. А возможность сделать «себяшечку» с самим Лошанским – это просто космос!

По такому случаю всем были куплены обновы, а старший племянник наконец прикрыл дыру в улыбке пластико-

вым зубом – вдруг придется хохотать над шутками شوмена! Младший племянник тоже пошел на жертвы. Приговорив за праздничным обедом поллитру, он дал зарок не пить до финала, втайне надеясь, что тетя вылетит еще на слепых прослушиваниях.

Нинка не видела сестру много лет. Созванивались редко, а встречались еще реже. Даже похороны и свадьбы не были поводом для встреч. Давно, еще девчонкой, она была с мамой проездом в Москве. Где-то в центре, недалеко от вокзала, и пересеклись. Помнился «Детский мир» – огромный сверкающий магазин с шеренгами невероятных кукольных красоток, целлулоидные щечки которых обрамляли капроновые локоны, а нарисованные глазки, распахнутые в немом удивлении, гипнотизировали ядовитой синевой. С тех пор жизни двоюродных сестер протекали параллельно. Пятнадцатилетняя разница в возрасте не давала им никаких шансов сблизиться по-девичьи, а уж когда сестра нарожала детей, ей и вовсе стало не до родственников.

Но заветное слово «шоу» открыло объятья обеих. И Нинка решила, что поживет у сестрицы недельку, споет и уедет. Посмотрит Москву – уже не зря прокатилась. Честолюбивых планов не строила. С нее хватило б и минуты славы или позора, но на центральном канале. А потом можно требовать у Тариэла не три, а пять тысяч за вечер в его шалмане, и пусть ее пенсионные клуши задохнутся от зависти.

В ожиданиях прошла неделя, за ней потянулась вто-

рая, уже отмеченная мимолетными вспышками раздражения. Поначалу меж собой искрили невестки. Свекровь таскала свою раскладушку по расписанию из одной семейной спальни в другую. Храпела она изрядно, так, что вздрагивали не только близлежащие родственники, но и рюмочки в серванте.

Сделать замечание «маме», так называли ее в этом доме все, кроме внуков, не смела ни одна из невесток. Каждая справлялась, как могла. Младшая ночь напролет свистела соловьем над ее ухом, старшая нежно перекрывала маме кислород, зажимая пальцами ноздри, как только та начинала заводить утробные рулады.

Мужья тоже похрапывали, но то мужья, – ткнешь локтем и спишь дальше. Детишки оказались самыми стойкими. Отходили ко сну раньше всех и сладко посапывали до самого утра.

Довольная жизнью, Нинка принцессой нежилась на ортопедическом матрасе просторной лежанки, ничуть не подозревая о зреющей напряженности. Позавтракав, она обычно отправлялась на прогулку: то в деловой центр, что дышал новой жизнью, – Москва-сити, то петляла по улочкам старого города, любясь пряничными церквушками и купеческими особнячками.

Москва, словно берестяной сундук коробейника, предлагала ей причудливые яркие впечатления. Под вечер она возвращалась, уставшая и счастливая. Родственники встречали

ее неизменным вопросом: «Когда?» – И было в том вопросе уже не радостное нетерпение – раздражение, вроде как она всех водит за нос с этим конкурсом. Что за песню петь собирается – тайна. Где шоу записывают – тоже секрет. Когда состоится это ее выступление – вообще неизвестно. И хоть бы ноточку прощebetала им на кухне по-родственному. Фиг! Отшучивалась – мол, выйду на сцену и выдам трель. Единственная репетиция с живым оркестром перед слепыми прослушиваниями далась ей настолько легко, что она и сама поверила в свой успех. Но об этом никому. Тссс!

«И никакая не певица... Приперлась на халяву... Экскурсию себе устроила... – подзуживала старшая – тощая и носатая – невестка, лежа под мужем. – Долго нам еще ее терпеть? – зудела она и когда тот, тяжело сопя, откатился на край постели. – Завтра снова наша очередь твою мать слушать. У меня по утрам голова чугунная от недосыпа. Терплю еще неделю, а потом уеду к своим. Мишку заберу и уеду. А вы тут без нас дожидайтесь эфира-кефира».

Невестки уже и платья перестали примерять каждый вечер, и маму договорились спровадить по горячей путевке куда-нибудь в жаркие страны, лишь бы не храпела под ухом, как вдруг тетя Нина объявила им, что завтра запись. Мало того, что с работы отпроситься не успели, так еще и ехать нужно в область, в чисто поле, где ангарах новых павильонов радушно распахнули свои ворота песенному десанту. А сколько в этих ангарах ждать звездной минуты – вообще ни-

кто не знает.

– Тетка твоя специально все подстроила, чтобы нас не брать, – комкая в сумке вещи, шипела старшая. В знак протеста она собралась немедленно покинуть квартиру мужа и переехать в доживающую свой век пятиэтажку в Мневниках, где ее родители имели однушку чуть больше собачьей конуры. – Пропади пропадом ваш отбор! Пусть к этой слонихе никто не повернется!

– Тише, чего раскудахталась, – шикнул муж, пялясь в телевизор, где за Суперкубок России лениво гоняли мяч двадцать два покемона. – Чего, некому тебя там заменить?

– Некому. Может, ты заменишь?! Слезешь со своего трамвая и пойдешь уколы в жопу делать, – передразнила ехидно, загородив экран. – Дежурства на неделю вперед расписаны!

– Хочешь, я тоже не пойду? Пусть Ленька с мамкой едут. Кира вроде тоже завтра не может.

– Вот ты мне скажи, откуда ты знаешь, что может Кира, а что не может?

– Начинается...

Прихватив со стола пачку «Винстона», он вышел из комнаты. На лестничной клетке встретил жену брата с сигаретой в зубах. Из всей семьи курили только они двое. Кира молча затушила окурки в консервной банке, приложенной к батарее проволокой, и вышла за дверь к мусоропроводу. От переполненного отходами ковша несло гнилью. Мужчина шагнул за ней в темноту и тут же прижал к стене. Тиская груди

и тяжело дыша, яростно кусал ее горьковатые губы. Дверь отворилась внезапно, безжалостно пригвоздив любовников лучом света к стене, не оставив ни единого шанса на оправдание.

И секунды не раздумывая, ошарашенная жена принялась колотить обоих изменщиков пластиковым ведром. Мусор летал над головами, разбивался о бетонные стены, стекал по ним жирными струями объедков, свистел бумажными пулями упаковок. Кира визжала. Два раза ей прилетело в голову. Закрыв лицо руками, она забилась в дальний угол. Муж насилу смог разоружить обезумевшую свою половину, заломив ей руку. Рыдая, та выпустила ведро, и оно грохнулось на пол. Пнув его, мужчина вышел, оставив разбираться между собой двух самок, претендующих на его любовь.

Совсем скоро удар в дверь заставил мирно чаевничавших сестер вздрогнуть и обернуться. Вроде шаровой молнии в кухню ворвались невестки. Бодаясь, они злобно сопели. Каждая пыталась выдрать клочок попышней с головы соперницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.